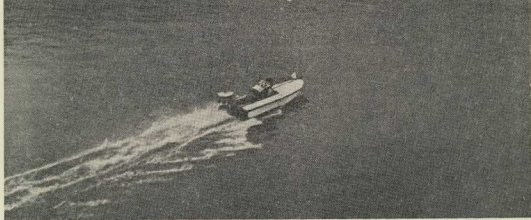

Бели завтра война...

И в за кормы большого волжского парохода неожиданно высочился белый плоский предмет и пошел по реке. В первый момент показалось, что это какая-то часть палубной оснастки, сорванная распавшимся ветром. Но вот белый обломок, выдвывая пенную волну, высочился вперед, легко обогнав пароход. Теперь все увидели, что это маленькая моторная лодка. У штурвала, пригнувшись, сидел человек. Лодка беспрерывно поднималась его волне. Немного сбавив ход, водитель вдруг повернул ее на сто восемьдесят градусов и тут же дал полный газ. Мотор вздрожал, за кормой расплылись белые пенные усы, и лодка, проскочив под самым носом парохода, обошла его и скрылась.

Это был скутер. У штурвала сидел один из лучших водителей скутеров — Родион Шибяев.

Иногда водитель не успевал повернуть судно с помощью штурвала, и тогда одним наклоном туловища он направлял его в нужную сторону. Водитель делал всемирки, крутые повороты — так называемый вышний шлютак на воде.

На берегу, у бона Центрального водомоторного клуба, за скутером наблюдала группа молодежи. Эти юноши пришли сюда учиться управлять плоскодоными стремительными судами.

Мастерство водителя заключается не только в том, чтобы умело управлять скутером, который несет со скоростью 40 километров в час; водитель скутера должен в совершенстве знать подвесной мотор, уметь выжать из него все ресурсы скорости. Водители называют это искусством «форсирования».

Лучшие водители скутеров, как правило, становятся конструкторами скутеров. Они вычерчивают килевые не только на речной глади, но и на чертежной калке. Они ищут и находят такие формы скутеров, ко-

торые давали бы возможность трение лодки о воду свести до минимума.

Когда у нас проектировался первый скутер, за образец была взята скандинавская парусная лодка типа «скутер». Так появилось новое слово, а вместе с ним новый, самый молодой вид спорта. Сейчас у нас насчитывается около 200 водителей скутеров. Этот интересный оборонный вид спорта, во-

Гонки скутеров.

спитывающий водителей быстрогоходных судов, развивается пока только в нескольких городах нашей страны.

В Америке скутер уже завоевал широкую известность. Американцы разделяют свои суда на классы по рабочему объему цилиндров — литражу мотора. Всего имеется 6 классов: от класса «М» с рабочим объемом двигателя в 175 кубических сантиметров до класса «Х» с рабочим объемом мотора свыше тысячи кубических сантиметров. На самых мощных скутерах можно развивать скорость свыше 124 километров в час. Трудно себе представить эту авиационную скорость на воде. Водители скутеров рассказывают, что большая скорость на воде ощущается особенно сильно. На такой скорости даже шетка, попавшая в лопастки винта, выводит его из строя. Какая же острота взгляда, какая быстрота реакции требуется от водителя скутера, чтобы на сумасшедшей скорости избежать столкновения даже со щепкой!

Скорость наших скутеров ниже американских. Объясняется это тем, что у нас еще нет нужных для этого подвесных моторов. Семь лет назад ученики ФЭУ машиностроительного завода имени Павлова в Рыбинске впервые в СССР освоили производство подвесных моторов типа «С» с лопатками 500 кубических сантиметров. Ленинградский водитель Максимкин показал на скутере с мотором «С» рекордную скорость — 66,8 километра в час.

Быть водителем скутера не так просто. В руках у водителя штурвал управления. Тонкий стальной трос соединяет штурвал с мотором, который находится позади водителя. Водитель, направив все свое внимание вперед, должен в то же время беспрерывно следить за пульсом мотора.

Новичок должен прежде всего как следует познакомиться с мотором. Затем новичок тщательно изучает правила вождения судов по рекам. На реке существуют свои твердые правила вождения, свой ОРУД. Постепенно всю группу новичков вывозят на скутерах. Новичок впервые ощущает скорость. Но вот на большом моторном баркасе сланы права. Новичок получает водительский билет. Теперь открыт путь к скутеру. И вот, наконец, занято место у штурвала, включен мотор, и красное, обтекаемой формы, отлакирован-

ное суденнышко отходит от бона...

Сейчас в Центральном водомоторном клубе, на водных базах «Спартак», «Буревестник», «Сталинец» в Москве, Ленинграде, Рыбинске, Днепрпетровске занимаются группы скутеристов.

Уже сейчас на соревнованиях выступают немало молодых гонщиков. Среди них доцент-инженер Мамышев, рабочий-монтер, который водит свой скутер со скоростью 46 километров в час; Савинюк, молодой рабочий завода «Продметсталь» труда, вошедший в московскую команду участников всесоюзных соревнований; молодой водитель Венедиктов, который в этом году, завоевав первенство в классе «А» (250 кубических сантиметров) и др.

Этим захватывающим видом спорта начали увлекаться и девушки. Родион Шибяев обучает сейчас 6 молодых работниц завода № 230. Двадцатилетняя скутеристка Косонова уже с успехом выступает в гонках. В прошлом году она завоевала первенство страны в классе «М». Водительница скутеров Иполитова выиграла тридцатиклометровую гонку. Девушка Рар на первенстве СССР заняла второе место в гонке на 10 километров.

У водителей скутеров есть близкие друзья. Эти друзья живут на воде, они учатся в совершенстве владеть оружием, или скоростью — скоростью. Близкие друзья носят красноречивые бескомыри. Это хозяева торпедных катеров. Вот же найдут применение своим силам, если грянет война, водители скутеров. Они станут у штурвалов торпедных катеров и поведут их в атаку на врага.

Линкоры и крейсера боится скоростная кавалерия. С огромной скоростью несутся торпедные лодки в атаку. Стремительный поворот — торпеды выпущены в цель, сены катера уносятся в море, сливаясь с бурными, впереди грохочут аврары.

Водители скутеров, получившие отличную морскую закалку, — хорошие кадры морских торпедистов. Это прекрасно знают и старые, испытанные водители и молодежь, впервые пришедшая к бонам водомоторного клуба. Вот почему столько ребят отдадут молодые советские патриоты этому благородному спорту, стремительно пронесом по реке...

В. ВИКТОРОВ

У штурвала скутера молодой водитель Н. Венедиктов.

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический
иллюстрированный журнал ЦК и МК ВЛКСМ
Год издания XVI № 7 июль 1939 г.

В НОМЕРЕ:

Герои Советского Союза: лейтенант **Б. А. БАТОРШИН**, лейтенант **И. Д. ЧЕРНОПЯТКО**, капитан **И. Н. МАШЛЯК**, полковник **К. И. ПРОВАЛОВ** — Пять советской земли (воспоминания).

С. ДИКОВСКИЙ — Бари-бари (рассказ).
С. КРУШИНСКИЙ — Дружба (рассказ).
КАРЕЛ ЧАПЕК — Откатчик угля (отрывок из романа).

Л. КОСТИН — Один из 35.000 (очерк).
В.Л. БЕЛЯЕВ — Дом на Жиготимской (отрывок из повести).

СЕРГЕЙ ФИКСИН — Лирика (стихи).
К. ЗВАНЦЕВ — Охота в Арктике (очерк).
АДХАМ РАХМАТ — Прощальный вечер (стихи).

П. ЗАМЯТИН, депутат Верховного Совета СССР — Сверхсрочники (статья).

ИЛЬЯ ШУЛЬГИН — Школа на Сахалине (записки учителя).

Я. РЕЦКЕР — Взятие Бастилии (исторический очерк).

С. К. — Девы Дидро.
А. ЛЕБЕДЕВ — Кот на листре (шутка).
М. МИХАЙЛОВ — Сцена и жизнь (эмореска).
Е. ВОРОБЬЕВ — Деревянный язык (фелетон).
В. К. — Новые работы московских художников.
М.Х. ЛЕВИНОВ — Гроссмейстер Котов (очерк).
Шахматы.

Рисунки художников **И. Гримштейна**, **Б. Лебедева**, **Г. Балашова**, **Д. Пивоварова**, **Ю. Шишеского**, **Б. Анфилова**, **В. Баркова**, **И. Лиса**.

Фото **М. Прехнера**, **М. Бернштейна**, **В. Телмина**, **М. Апаньина**, **Д. Дебобова**, **И. Драньши**, **И. Гуцшина**, **И. Боговалянского**.

На обложке: На борту корабля. Фото **М. Прехнера**.

На обороте обложки: Артиллеристы на заневрах. Фото **М. Бернштейна**.

Фото И. Боговалянского.

Совет народных комиссаров Союза ССР утвердил день 18 июля традиционным Всесоюзным днем физкультурника.

Праздник здоровых, сильных, ловких — один из самых любимых праздников советского народа. Физкультурные парады демонстрируют крепость, силу и боевую готовность советского молодежи.

Постановление правительства отражает неустанную заботу сталинского Центрального Комитета о молодом поколении строителей коммунизма.

Партия Ленина — Сталина и советское правительство всегда уделяли физическому воспитанию молодежи огромное внимание. Ни в одной стране мира спортсмены не имеют таких благоприятных условий. Для развития физкультуры и спорта государство отпускает большие средства.

Всесоюзный день физкультурника является проверкой мобилизационной готовности советской молодежи, проверкой способности нашей физкультурной армии защитить грудью социалистическую родину от покушений со стороны врагов.

Физкультура и спорт в нашей стране — дело большой государственной важности.

Комсомол несет перед партией большую ответственность за состояние массовой физкультурной работы. Помимо спортивных обществ, улучшение физического воспитания школьников — важное дело комсомольских организаций.

18 июля во всех концах страны состоятся физкультурные праздники с демонстрацией различных видов спорта. А в Москве на Красную площадь выйдут 32 тысяч лучших спортсменов всей страны, чтобы сказать любимому Сталину, всему советскому народу: «К труду и обороне мы готовы!»

На снимке: партерные гимнасты Института физической культуры имени Лесгафта [Ленинград] делают пирамиду.

Год тому назад на Дальнем Востоке, у озера Хасан, произошло событие, которое является в истории нашей страны, в историю советского народа, наиболее славный час героического сопротивления нашей Родины вражеской армии. Победительные части императорской армии, состоявшие из полков японской пехоты и части 1-й Отдельной авиационной группы, вступили в часть территории Дальнего Востока нашей страны. Этот день, день захвата японцами территории нашей страны, является днем освобождения нашей Родины от японского захватчика. Этот день является днем освобождения нашей Родины от японского захватчика. Этот день является днем освобождения нашей Родины от японского захватчика.

На следующий день в японском захватном лагере в Хасане состоялся первый советский концерт. Советский концертный ансамбль выступил в августе 1938 года.

ПЯТЬ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

Рассказы Героев Советского

Союза лейтенанта Г. А. Баторшина, лейтенанта И. Д. Чернопятко, капитана И. Н. Машляка и полковника К. И. Провалова

1. Первые выстрелы

Герой Советского Союза лейтенант
Г. А. БАТОРШИН

Всегда неспокойно на дальневосточных рубежах. И чаще всего в Хасинском (нынешнем Посетском) районе, где сошлись границы СССР, Кореи и Манчжоу-Го. В последние дни июля 1938 года мы, пограничники, стали замечать на западном берегу озера небольшое подозрительное оклаивание. В бинокль с сопки Заозерной нам было видно, что там джорданоно роток окопы. Чаще, чем обычно доносились до нас шум походов, куревавших вдоль границы. В ночь манчжурской разведки Хаюко (она расположена как раз против сопки) японские солдаты вываливали и стреляли собаками, чтобы те своим лаем по ночам не выдавали передвижений войск. Готовились очередная провокация.

29 июля мы услышали выстрелы на высоте Безмяшиной, к северу от нас. Японцы начали нарушать государственную границу и поднялись вверх по склону. Мы знали наперед своих товарищей на соседней сопке. Их было всего одиннадцать. Нам командовал лейтенант Машляка, и они оказали героическое сопротивление атакующим японцам, сражаясь каждый против десятка.

С Заозерной мы отчетливо видели, как японские цепи лезли и вверх. Японцы стартовали горючими нашими товарищами. Я получил приказание отправиться с четырьмя бойцами из моего отделения (в те дни я был отделенным командиром) на сопку Заозерную.

Укрылась в камышах, мы острожно подошли к самому берегу озера Хасан. До Безмяшиной оставалось около семидесяти метров, когда мы поднялись на сопку. Мы заметили, что японцы уже окружили наших. Тогда и принял решение отвлечь японцев на себя, чтобы ослабить их натиск на высоту. Я приказал бить по врагу из пулемета. Сильный обильнейший перекрестный огонь, что и было точно исполнено.

Великолепными очередями пулеметчик Романча опустошил японские цепи, мы помогли ему меткой стрельбой из винтовок.

Тем временем на выручку Безмяшиной подошли новые группы бойцов. Японцы были отброшены.

Несколько дней и вечер 30 июля мы просидели в секрете у подножья Заозерной, замаскировавшись в кустах. Наступила ночь, пошел холодный ветер.

Около двух часов утра мы услышали шорох, вслед за тем шелест травы и задыхающийся шепот подползающих людей. Через несколько секунд до нас дошел слабый винный запах. Судя по тому, как наступил шум, мы гадали, что японцы двигаются прямо на нас.

Ни одним выстрелом мы не должны были обнаружить себя. Я послал бойца с доверенным командиром в лес, а сам с оставшимися тремя бойцами начал бесшумно и медленно отходить, продолжая наблюдение за противником.

Таким образом мы возвратились на командный пункт. В это время на Заозерной уже шел бой.

Вскоре я с двумя бойцами был послан на высоту Заозерную с доверенным. При переходе в узкое пространство между озером и границей мы услышали подозрительный шум с тыла. Очевидно, в темноте японцы отрезали нам дорогу к Заозерной. На мой оклик не откликнулись. Тогда мы отделили одного. Крикая укаса и стона раненых убрался на том, что мы направили вперед, а еще через несколько десятков шагов мы наткнулись на группу самураев.

На вершине Заозерной взметнулись подряд две световые ракеты. Все мгновенно осветилось вокруг, как от великого молнии, и мы ясно увидели, что японцы выстроились на сопку двумя волнами и наша группа находит-

сь между ними. Мы видели также, как яростно отбиваются изверху наши товарищи. Среди них были и раненые, которых мы отлучали по болым повязкам.

Первым стремлением было, конечно, пробиться на сопку. Однако, как и накануне у Безмяшиной, выдвиге нам стрелки японцев в спину и сев в их рядах паньку. Кроме того, ориентировавшись в обстановке боя, я понял, что мы должны обеспечить для тяжело раненых безопасный переход в тыл. Поэтому мы остались на месте.

Мое внимание привлек станковый японский пулемет, о местонахождении которого мы могли догадываться по огненным отблескам во мраке. Но нам и пришлось сестись. Судя по тому, что вскоре пулемет смолк, мне удалось попасть в эту группу мишень.

Действия нашей группы дали возможность пограничникам выйти из-под вражеского обстрела.

Рассвет 31 июля застал меня и командира подразделения Сивенцева в камышах на узкой прибрежной полосе между озером и Заозерной, занитой уже японцами. Враг оккупал нас с трех сторон. Самрады взметали вверх столбы воды и ила. Японские пулеметы косили камышники. Японцы захватили делянку на высоте, принимая их зазвали за плывущих людей.

В камышах поостережался нам лейтенант Терешкин, который руководил обороной сопки, пулеметчик несколько раненый и солдат со слабым ишемизмом. Он запретил бойцам спороваждать себя и отказался от помощи: в условиях, когда несколько десятков пограничников отбивались от многих сотен наседанных самураев, каждый боец был нужен в бою. При тех тяжелых ранениях, которые получал Терешкин, его отказ от помощи был самопожертвованьем.

Из двух винтовок и писта мы сделали окоп, на котором положил Терешкина, вали на плечи винтовочные ремни и пополнил до берегу. В любую минуту можно было ждать столкновения с японской цепью. Мы продолжали огонь медленно. Через какое-то время пятдесят метров я отравлялся в разведку, держа в руках заряженные гранаты, против возвращался, а мы протаскивали носилки вперед.

Таким образом, мы протаскили около трех с половиной километров и подошли к горловине озера. Здесь мы тустились впавам. Терешкин был уже на слуху и мы благополучно достигли берега. Вскоре его взяли на свое поделение санитары, а я еще несколько раз перелезла озеро, пока не перервался винтовка, даже не замочив их, потому что залел в ближайше где дни нам понадобится.

2. Натягй враг нас запомнил

Герой Советского Союза лейтенант
И. Д. ЧЕРНОПЯТКО

Баторшина и меня — мы жили в одной палатке на Заозерной — подвела горелка топлива. Баторшин отправился к Безмяшиной по северному склону Заозерной, я — по южному, в сторону сопки, которую впоследствии окрестили Пяткиной.

На Безмяшиной шел бой. Мои бойцы (в те дни я был помощником командира взвода), томясь выжидательным бездействием, осаждали японцев в их окопах и их безмяшино. Но мы ждали гостей и на Заозерную. Возможно было предположить, что налет на Без-

мяшино — только попытка ослабить оборону Заозерной.

Эти опасения подтвердились 30 июля. Мой наряд возмущался из секретки на обнаруживании подозрительного. Подозные кусты — овар, поросший высокой травой, низкорослый дубник, кустарники — было укрывно туманом. Обстановка требовала особой осторожности, и я решил послать бойца в секрет вторично.

Все было тихо кругом. Пограничник Боротов обратил внимание на шум в ста пятидесяти метрах перед озером, которых было десять рядов и которые какими-то чудом успели вырасти за это время. Бдительный Боротов решил немедленно нагнать кусты и выстрелил в них. Кусты зашуршали человеческим голосом и кубарем скатились в овар. На дождном бежали еще три куста, проворно подкапывая равного и скрывались. То были японские на-

б-б-б. А ночью я наткнулся уже на передовую цепь наступающих японцев, которые нарушили границу и подымались от берега Хасана, заходя нам с левого фланга в тыл. Со мной было только четыре бойца, одна из них была гитарной железой сошкой. Частой стрельбой и перебежками мы старались в темноте создать впечатление, что нас много. Мы вели огонь без видных ориентиров, только по шуму, но стоило разнаться и ругать помогли нам примерно определить численность японцев. Их было около трехсот человек. Довеснее об этом я тотчас же отправил на командный пункт.

Пулеметы Заозерной молчали. До поры до времени не следовало открывать местонахождение наших основных точек. Пограничники с обычной выдержкой старались избежать атаки саминком. Вить было было намерения.

Когда враг подступил к самому огневому рубежу, я швырнул гранату в японцев. Это было убойной силой. Через секунду на верхние сопки вынырнули вестники. Наши пулеметчики давно с нетерпением ждали этого. Цепь была перед нами. Надеея на темноту и туман, японцы шли в рост, не маскируясь. Они жестоко попользались за свою наглость.

Лейтенанты Терешкин и Христолюбов повели пограничников в контратаку. Раздалась возгласия: «За советской родиной!», «За родную!», «За товарища Сталина!», «Ура!». Первая атака японцев была отбита.

Я очутился в окопе с двумя пулеметчиками. Нам трое приходилось сдерживать натиск больше ста самураев.

Некоторые из них подползали к проволочным заграждениям и, причесав за каменный выступ, зарывались нас гранатами. Расстояние было такое незначительное, что японские гранаты не успевали разрываться. Они падали, шипели, дымиле две — три секунды, и только потом вырывались.

Одна из гранат упала на бруствер окопа, совсем рядом со мной, так что я мог свободно дотянуться до нее рукой. Я так и сделал. Схватив горячую гранату, я швырнул ее назад.

Моему партнеру последовал сосед. Теперь камыши японцы «дорзались» уже на обратном пути и мгновенно зарывались среди своих хозев.

В яму боя и не заметил, что пулеметчики были переброшены в другое место и я остался в окопе один. Гранаты были на исходе, и я обескураженно наблюдал за выносом орудия. Гранаты меньше чем на группу из шести — семи самураев. Все чаще приходилось прибегать к нагаку. К тому же салюты японских солдат вырывались все отчетливее в дождном свете утра.

Снизу надвигались все новые и новые цепи. Они перелезали через тупы, с пыльным остережением лезли вверх. Шорох заставил меня обнаружить, что я послал в их безмяшино. Они окружали. Три японца были уже в семидесяти метрах выше окопа. Запас гранат у меня иссяк.

БЭРИ-БЭРИ

Рассказ

Предупреждаю заранее: тот, кто ждет занятых морских приключений, пусть не слушает этой истории. Я не могу обещать ни тумана, ни шторма, если в вахтенном журнале сказано точно: солнце, штиль, температура + 20° в тени.

Да, было так жарко, что смола выступала из палубы. Мы медленно входили в бухту Медвежье, давнуря между островами и камней. Люди отдыхали на баке, еле шевеля языки. Корабельная медь слепила глаза. Только плеск воды да белые крылья чаек напоминали о проходе.

Мы надеялись пополнить в бухте запасы воды. Смет на сотках здесь держится долго — до конца июля, даже до августа, и десетки горных ручьев, разогнавшись в ущельях, с огромной высоты падают в бухту. Самые слабые никогда не доходят до берега: ветер подхватывает их на лету и превращает в белую пыль, но два или три водопая соединяют сосны и море высокими дугами. На фотографии они выходят сосульками, но, право, я не видел более сильной картины чем эти светлые, грохочущие столбы, врезанные в зеленую воду до самого дна.

Быт слышен уже шум корабля, когда вахтенный кричит: явились!

— Крикнул! Слева по носу!

Возле самого берега стояла двухмачтовая белая шхуна.

Никто не поверил такому нахождению, но Колосков, мелко взглянув на шхуну, твердо сказал:

— Пожорнуся валею... так держат!

В таких случаях счет идет на секунды. Не успели хищники выбрать якорь, как двое бойцов разом прыгнули на палубу шхуны.

Она была ступа. «Гензан-мару» (так называлась шхуна) даже не пыталась бежать, только к ней подошел не светский пограничный катер, а собственный туанг.

А между тем в воздухе пахло крупным штурмом; на бамбуковых шестах вдоль борта висели еле влажные сети.

Сачков заглушил мотор и выгнул из люка.

— Стоп! Гнати! — сказал он с досадой. — Вот мукобой! Бабушкин гроб!

Судя по мятам, шхуна массивная для морского судна, во времена Беринга это был парусник с хорошей снастью. Плавание, крутые обводы говорили о мореходности корабля, четыре анкера с пресной водой — о дальности перехода. Под бушпритом шхуны, вынесенным

метров на шесть вперед, была прикреплена грубо вырезанная из какого-то темного дерева фигура девушки с распущенными волосами. Наклонив голову, красавица уставила на нас обведенные сурком слезные глаза. Время, соль и толстые наслоения масляной краски безобразно искажали ее лицо.

Мы молча разглядывали шхуну. Видимо, хозяева больше рассчитывали на страхушку большею частью на улов рыбы; сквозь дыры в бортах могли пролезть самые жирные крабы.

— Эй, аната! — крикнул Колосков.

Шхуночка на кормовом якорь приподнялась. Тощий японец с голышю, повязанной синим платком, равнодушно взглянул на нас.

— Японин дес? — сказал он синпо.

— Кто синдо?*

— Японин дес, — повторил он монотонно, и крышка захлопнулась.

Колосков спустился в каюту, чтобы налить свежий кател. Наш командир был особенно щепетилен, когда дело доходило до официальных визитов.

— Товарищ Широкий! — сказал он, — найдите синпо, настрелите японскую команду по правому борту.

— Есть выстрелить! — ответил Широкий.

Это был серьезный, очень рассудительный сабирок, с лицом, чуждым всякой безликой броне и слабой, чуть сонной улыбочкой, которой он встречал гостей Сачкова и кока. Кроме обстоятельности, чисто степной медлительности он отличался бычьей силой, которой, впрочем, никогда не хвастался.

Помню случай, когда, погрузившись в воду по пояс, Широкий переносил со шлюпки на берег 12-пудовый якорь. И это в свежую погоду, на оксалых крутых камнях!

На «Смелого» он служил рулевым.

Громыкая сапогами, Широкий прошел по палубе японской шхуны, поднял шхуночку и присел на корточки перед люком.

— Вапа который синдо? — спросил он деловито. — Вапа берий люда, ходи быстро на палубу.

В ответ из кормового люка вырвался стои. Мы видели, как Широкий перекинул ноги и с трудом протиснулся в узкое отверстие. В трюме загалдели, затем сразу стихло.

— Угорил! — сказал Сачков поспевающим. Но Широкий не показывался. Шхуна по-прежнему казалась мертвой. На палубе ее было

* Ва, вы!

† Синпо — японский

‡ Синдо — шхулер.

стела сухая тресковая чешуя. Только несколько ярких фидусов⁴, подвязанных бичевками к ангам, напоминали о жизни на корабле. Наконец, из трюма вылез Широкий. Он был краснее обычного и осторожн, точно влюбленный гадюгу, держал в вытянутой руке какую-то бумажку.

— Товарищ лейтенант! — агаудел он еще с палубы шхуны. — Разрешите доложить. Произведен осмотр кормового трюма. Обнаружено одиннадцать хищников, в том числе синдо. Трое покажут саранские признаки. Остальные тырва на синне не имеют... Вступают в пререкания. Лечат гапшом.

— Какие чирьи? Виз чю?

— Надо полагать, чумные... Стоит ужасно.

— Что вы болтаете? — возмутился Колосков. (Он был в новой форме с двумя золотыми нашивками и фуражке со свежим челом.) — Идите сюда... Нет, стойте. Покажите письмо.

Широкий передал клочок, на котором печатными русскими буквами было выведено:

«Помогите. Заразно. Сибирская чумка. Весма проси русские докторы».

Если бы японцы специально задалась целью смутить Колоскова, — лучшего средства они бы не придумали. Бравый батинец, человек зрелого, стойкого мужества, он по-девки болал все, что пахнет болшиней. В девицалать лет на фронте Колосков впервые узнал от ротного фельдшера о бандалах — возбудителях тифа. Здорояк и остряк, он всеяродию поднял шестера на смех (в те годы Колосков был твердо уверен, что все болезни заводятся от сырости). Но когда упрямцев уадел в микроскоп каплю воды из собственной флажки, он заметно ошешил. По собственному признанию Колоскова, это точно «сараном паразитолог». Странные подпочна вальчече, шариков, точек поразили воображение моряка.

С приложительностью военного человека Колосков решил действовать, прежде чем агалье, кишневше воду, девелат его до «соснового бушлата». Он привил ослод и остряк, завел бутылк вода и привнес старательно мазать свои и чужие парашини. Зем и чапа стави и его глазах впаком высшей человеческой мудрости.

С тех пор прошло 20 лет с гаком, но если вы увидите когда-нибудь моряка, который шлет кипящую воду или снимает с яблони кожурку, это будет извержение Колоскова.

Понятно, что при слове «шума» командир немного ошешил. Если бы хищники открыли огонь или попытались бы уйти у нас из-под

⁴ Пасеревные повояни.

поса, Колосков мгновенно надел бы ответ. Но тут, глядя на пустынную палубу шхуны, командир невольно задумался: зачем и при какой осторожности не позволили ему вернуть запаски.

— Доложите... Какие приказы вы заметили?
— Очень дух тяжелый, товарищ начальник.
— Это рыба?... Еще что?
— На ногах черные буфалоны... Кроме того в глазах воспаление.

Но Колосков уже поборол чувство робости: — От тухлой трески чума не бывает... Где-то гравия буфалоны... Самуляты... Вспомог, ступайте на бак. Возьмите зеленое мыло, карболку... Понятно? Чтобы на одного микроба...

...В тот год я сомневал доложность руководств с обязанности корабельного санитаря... Открыл аптечку, и нашел сумку и, по приказанию командира, смочил два платка. Он приказал также надеть желтые комбинезоны с кашпошками, которые применяются во время химических учений.

Присырная рот самодельными масками, мы поднялись на борт «Гезан-мару» и внимательно осмотрели всю шхуну.

Японские духи и запахи не отличались свежестю запахов, но эта преснохлила все, что мы встречали до сих пор. Палуба, репютик, деревянные стоки — все пропиталось жиром и силой. Свежее зловоние отравляло воздух на полмили вокруг.

Все здесь напоминало о трудной старости корабля. Голубая масляная краска, покрашенная когда-то надстройкой, свернулась в сухие струны. Медный колпачок армилет цвет тины. Беску надлежало серое, омертвевшее дерево, рыжее железо, грязная парусина. Дубовые репютики, прикрывавшие палубу, и те крошились под карболом.

Зато лебедка и блоки были только что выкрашены суриком, а новые тросы ровненько уложены в бухты. Сказывалось старое правило японских хохлических: не стараться на старости. Да во время войны, прикрытых цинком, были доверку набиты камбузой и треской. Влажный блеск чешуи говорил о том, что улов прилет недавно.

Мы заглянули в кормовой кубрик и попали сидно. Нам отогнали стеною. Купцо — присел на корточки и завыл, схватившись обеими руками за голову. Вой подхватили не меньше десятка глоток. Трудно было поникать до ягодицы ободранной, пожелтевшей жидкой плотицы, но ни жаловались на жару и зловоние в трюме.

Тошнй японек в желтоватой куртке, с головой, заматывающей подолетем, кричал сильнее других. Утирая потатками и платками в нары, он выплибал дурой и верещал так, что у нас звенело в ушах.

В полутемные мы начекали десять японцев. Полуголые, мокрое от пота, парни лежали вплотную друг к другу. Несколько минут мы видели разнуттые рты и слышали завывание, способное смутить любого барыгу. Затем Колосков кашлянул и твердо сказал: — Эй, аната! Однако доволно.

Хор замученных грянул еще иступление, Казалось, ветхая посуда заколебалась от крика. Многие даже забарабанили голыми пятками.

Это взорвало Колоскова, не терпящего никаких пререканий.

Он крикнул в трюм, точно в бочку: — Эй, вань... Саму-рию!

И все разом стихли. Стало слышно, как в трюме плещет вода.

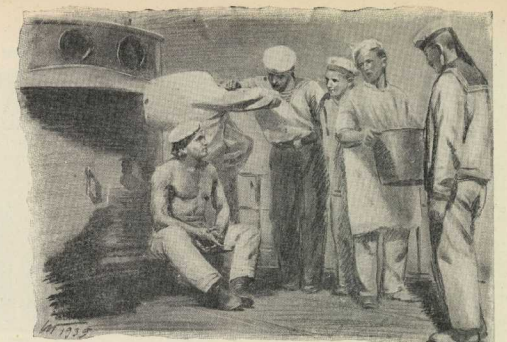
— Где сидно?
Крикну в желтоватой куртке вылез из кубрика и, путая японскую, английскую и русскую речь, пояснил, что самые опасные больные изолированы от остальных. Продолжая сидеть, он поспешил к кормовой кубрику.

В узком, суженом кинув отсеке лежали на цинках еще трое японцев.

— Варуй досе Тайкен варуй! — сказал сидно доволно сидно сидно.

С этими словами он взял бамбуковый пест и беспорядочно откинул трюм, прикрывавшее больные.

Мы ушли из мертвенно, покрытую чешуйками кожу, через язык, чудовищно раздутые ноздри, оплетенные набухшими жилами. Ребра несчастных выступали резко, точно об-

Мы угнетали Широких, как мюды.

наженные шангоуты шхуны. Видимо, больные давно мочились под себя, так как резкий запах аммиака резал глаза.

Люди жались тинди в этом душном лозявце с грязными иллюминаторами, заткнутыми зеленой бумажю.

Возле лебедки, на цинках, усталых рыбец чешей и зернами сорото рика, стоял чашан с кусками соленой трески.

— Бедный рыбацка! Живя — нест. Помрайт — ест, — сказал провозжатый.

Точно по команде, трое японцев протянули к нам свои похреннее, скрепленные, изуродованные странной болезнью руки. Не знаю, как выглядят чужие, но более грустного зрелища я не встречал никогда.

Сидно знал полсотни русских и столько же английских фраз. Путая три языка, он пытался рассказать нам о бедственном положении шхуны.

— ...Это было в суббугу... Сильный туманка надолго туда, ходил сюда... Скося мы миманс? Хаверю, компас ест ложный... Немного брудили. Варуд падай Арита. Одна мывула — рыбацка червет... Другая мывула — падай Мунра. Третья мывула — Тома. Каммата на Ч! Вард бореги! Что? Разве это русские земля? Вот несест!

Колосков слушал спокойно. Глядя через птечо сидно на больных, он сухо спросил: — Хорошо... Где поймана рыба?

— Са-а... Он всегда был здороватка... отвестя грустно сидно... Что мы будем рассказывать его бедный отце и мам?

— Я спрашиваю, когда и где поймана рыба? — Да, да, да... Арита горел как огонь. Наверно, ест думка...

— Не понимаете? Рыба откуда? — Эй-бога не поймату, — сказал пройдоха, кланяясь в пояс; — мы так боялся остаться одни...

Он махнул рукой, и замученные дикими воплями подтвердили безвыходность положения.

Мы вышли на палубу, провозжаемые стонами больных и боромтаем сидно. Колосков сердито сорвал сумевую маску.

— Вы когда-нибудь видела чума?

— Только на картинках, — признался я.

— Лебобатно.

— Да... Рыба свежая.

Я хотел на всякий случай отогреть у японцев лампу для нагрева запального шара мотора, но Колосков не разрешил мне спуститься в машинное отделение.

8
Ничего не видно.
8
Бела.

— Понимать надо, — сказал он строго. — Чума — не репелинк, — с рукава не стрижелься.

Вести шхуну в порт было нельзя. Мы запросили отряд и через десять минут получили ответ: «Врач, санитары высланы. Снимите, изобритейте наш десент. Отойдите от шхуны, наблюдение продолжайте...»

И мы стали ждать.

Нам предстояло провести с глазу на глаз с замученной шхуной шесть часов.

Были волдыри — солнечный, душемый, несомно три на окружающие бухты синиее сойки. Вокруг шхуны островками плавали пена и раздувались от жары кинки кашалотов — верный признак, что гатобная флотилия находится недалеко. Издали кишка походила на связь рывача, очень толстых корабельных чешей...

Палуба «Гезан-мару» кипела мухами. Вскрсе они стали появляться в кубриках «Смеелого. Колосков велел отойти от шхуны на пару кабельтовых.

Обедали плохо. Борщ, хлеб, жаркое, даже горнична ехли карболкой. По приказанию командира наш кок Коста Скорюнов обходил корабельные помещения с пульверизатором, ежеминутно наполняя буталь свежим раствором.

— Все по порядку, — объяснял он, сияя голубыми глазами, — сначала карболка, потом хлор. Белье в пещку... Привиска... Потом карантина на три недели...

Коста был немощный панкер, но на этот раз именно разделяли его опасения. Шхуна стояла рядом — безлюдная, опасая, и в тишине этой было что-то зловещее.

Хуже всех чувствовал себя Широких. Вымытый зеленым мылом и раствором карболки, он сидел на баке притихший, голый по пояс, а мы наперобой старались обобрать товарища.

Все мы искренно жалели Широких. Он был отличный рулевой, а на футбольной площадке — лучший бек. Что теперь ждало парня? Терпеливый, толстогубий, очень серьезный, он был слесней и, вадкая, смотрел на товарищей.

Мы утешали Широких, как могли.

— Мой дядя тоже болел в Ростове холерой, — сказал расудительно кок. — Он съел две дини и глечик сметаны... Ну так эта штука страшнее чумы. Три дня его вымывало наизнанку. Он стал толще куриной кишка и так толба, что едва мог показывать родным дуло, когда его задували причетить... Потом приехал толстый Гриншп. Не слышали? Это наш частковый фельдшер. Он промыл дяде желудок и вырисуна собачью сыворотку.

— Гельчяно...

1 Погощия собак.
2 Плохо, очень плохо.

— Это все равно. Наутро он помер.
— Или ты, — сказал Широких, пожавшись.
— Так то холера... Думаешь, уже заболел? Посмотри на себя в зеркало.
Широких сразу дал термометр. Он вложил руку его подмышку и совсем нахмурился.
— Знобит?
— Есть немного.
Митя Корзинкин, наш радист, принес и молча (он все делал молча) сумку Широких пацку сигарет «Тройка», которые хранил на случай увеличения на берег.
— В крайнем случае, можно перелить кровь, — сказал боцман. — Столкнуся по полтине.
— Глазное, Костя, не поддавайся.
— Ты не дурак о ней... Думай о девочках.
— Это верно, — сказал Широких покорно. — Надо думать.

Он сворачивал лодку и стал смотреть в воду, где прыгали зайчики.

Обедал Широких в одиночестве. Он съел мясные кашки, двойную порцию безебасов и пять ломтей хлеба с маслом. Кок, с которым Широких постоянно враждовал из-за добавок, принес литровую кружку какао.

— Посмотри, какой ты болюной! — заметил он строго.
Широких вздохнул, позумал и выпил какао. Это немного его успокоило.

— Видали чумного? — спросил кок ехидно.
В конце концов, видя, что общее присутствие пахнет на тарни тоску, Колосков запретил всякие разговоры на баче.

Все завязав своим делом: радист принял отступать сводки, Сачков — чинить докку, Косинин — аранть респонды на локах. Один Широких с тоской поглядывал по сторонам. У тарни чесались руки.

— Дайте мне хоть сарлоснь... или марочки деять.

Боцман дал ему кочек двойного троса, и Широких сразу повеселел, заулыбался, даже замурлыкал что-то под нос.

Колосков ходил по палубе, надвинув козырек фуражки на обдуваемый нос, и изредка метал поодиночке взгляды на шхуну.

Наконец, он подошел к Широких и спросил тоном доктора:

— Кольки есть?

— Нет... то есть немного, товарищ началь-ник.

— Суларогги были?

— Нет еще.

— Ну и не будут, — объявил неожиданно Колосков и сразу гаркнул: — Баксовые на бак!

С якоря синиматься!

Мы развернулись и, сделав круг, подошли к шхуне поближе. Синдо тутчас выскочил из люка обмотанную полотенцем голову.

— Эй, айт! — крикнул Колосков громко. — Ваша стой здесь... Наша ходи за доктором.

Услышав, что мы покидаем шхуну, большие подняли было ошестивший вой. Видимо, все они боялись остаться один в далекой, безлюдной бухте. Но сидю сразу успокоя испуганных рыбаков.

Хорсо-о, Хорсо-о... пропел он печально, — россек доктору... Хорсо-о.

Он повесил голову, согнул ноги в коленях и застыл в робкой позе — живая статуя отчаяния.

Бухта, в глубине которой стояла «Гензан-

мару», изгибалась самоварной фубой. Когда мы миновали одно колено и поровнялись с высокой скалой-островком, я involно взглянул на командира:

— Здесь?

— Ну, конечно, — сказал Колосков.

Скала прикрывала нас с мачтами. Лучшее место для засады трудно было найти. На малых оборотах мы пролозли между каменными зубами, торчавшими из воды, и стали в тени острова.

— Значит, симуляция? — спросил боцман. — Так я и думал.

Широких заулыбался и изткнул тыльнику: — Мы были свободным?

— После осмотра врача, — ответил неумолимый Колосков.

Мы заглушили мотор и стали приуныливать. Спутанные катером, чабды последи над мачтами, черткаясь хуже базарных торговков. Сквозь птвич гвалт и адекс воллы, обтекающей остров, долетал временами прерывистый стук мотора. Видимо, японцы пытались запустить оставший боллиндер.

Услышав знакомые звуки, Колосков вытнул пехож, заулыбался и зашевелил усами. Он стал поком на звалого удильщика, у которого водружались подлавок.

Боцман погрозил кулаком чайку. Своей болтовней они глушили все звыки на милое водгу.

— На островок вывернул мотора. Стук мотора стал ближе и резче. Вдруг мотор поперхнулся, помогая полминуты, забастув слова, на этот раз неровно и глухо.

Мы завели мотор. Люди стали по местам. «Смелый» дремал, готовый кинуться за наглцами в погоню.

И вдруг боцман разочарованно крикнул с кормы:

— Фу ты черт! Глазели... В десяти метрах от нас, в расщелине между камнями, лежал перевернутый бат¹, видимо, унесенный из поселка рекой.

Каждый раз, когда забегала волна, лодка билась о стены, издавая отрицательные и ритмичные звуки.

Мы были так раздосадованы неожиданной шуткой моря, что не поверили ушам, когда за поворотом послышалось знакомое всем марочу «таб-бач, таб-бач».

— Это была «Гензан-мару». Она вылетела из-за мыска, метрах в пятидесяти от нас, поплывавшая горчей водой, и помчалась к открытому морю. Из тонкой трубы шхуны кольца делет дым, винт свирею реал воду, а вся команда топталась на палубе. Чумный сидю расной бегал по палубе, погоняя чумных рыбаков. Чумный боцман, лодка на чумное, доставал крючком якорь...

Заметив нас, «Гензан-мару» вылинула в сторону, но Колосков спокойно приказал лечь на параллельный курс. Мотор шхуны был слишком слаб для тяжелого корпуса, а наш движ работал чудесно.

Через десять минут японцы заглушили боллиндер, и Колосков, захватив меня и Косинина, поднялся на палубу шхуны. Он был забешен японским изащельством и, стараясь сдерживать себя, говорил очень тихо. Синдо шнел и пилтисся залом, кланяясь, как заведующий.

1 Бат — лодка, выдолбленная из ствола дерева.

— Как ваши оцумелье? — спросил Колосков.

— Благодарю... Наверное, очень плохо...

— Что же не дождался доктора?

— Са-а... Помырай здесь, помырай дома.

Бедный рыбацка думай, все равно.

Он начал было снова скунить, но Колосков разом успокоил синдо.

— Ну, ну, — сказал он сухо, — я думаю, до торным вам ближе чем до докторов.

Вскоре подошел катер с мотилом, и все сомнения наши разом рассеялись. Чумных на шхуне было столько же, сколько на нашем катере ариверсе.

Сам синдо принался в молчаливости.

Шхуна заметила катер слишком поздно, а сморст старой посудины, доотказ забитой треской, была самоотворной. Тогда на шхуне молниеносно возникла «чума». Хор и заниска были тревогом, рассчитанным на приставков.

Но больше на шхуне все же были. Трое рыбаков во время проверки не вышли на палубу. Это же было симуляция. Бэри-бэри — больше бедников, частый гость рыбацких поселков и шхун, — свалился ковром на чумных. Эта бедня — сеэтра голода. Сорный рыб и солония рыба, которыми питаются японские рыбаки, доводит их до полного изуряния.

Ловцы «Гензан-мару» заболели еще весной. По правилам, больших следовало немедленно выслать на берег, однако синдо распустил, что до конца сезона рыбаки смогут хотя бы отработать аване.

Им дали «дегую» работу: наживку крючком и рекую пованной рыбы (разумеется, за полованную пату).

Они честно отработали хозяину палосони нем, и сухую треску, и куртку за синей дабы, а теперь терпеливо ждали конца последнего рейса. У одного из рыбаков уже начинался гангрена: бое ноги до колена были испещрены черного цвета.

Пройдохла синдо отлично использовал адезные признаки бэри-бэри. Нарымы и язы, по-кряпачным тела рыбаков, он выдал за приметы чумы.

Колосков приказал подать болтримым макароны, кофе и мясо. Они не приотрудились к пище. А когда санитар снова навестил больных, теревки казани-то чудом оказались в подшерстковой.

— Эти люди не правили к высокой пище, — сказал спокойной синдо.

Вечером мы снялись с якоря и повели «Гензан-мару» в отряд. Шхуна шла вперед за «Смелым» своим ходом. Носовой док был открыт — на потлоке горела «дегучая мышшь».

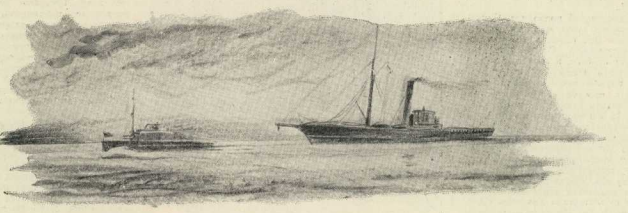
Стоя у неуклюжего гшурвала, я видел безнадёжные лица больных...

Они ждали, им было все равно...

Набжевал ветер. «Гензан-мару» стала раскачиваться и клевать носом.

Черная мачта шхуны начала выплывать в небе восьмеркой, залаяв коном за звезды; то одна, то другая звезда срывалась с места, и оставался трешетный след, падала в темноте в смутно шипящее море...

На рассвете приблизился «Смелый». Я едал вахту Широких, перебрался на катер и крепко заснул.

ДРУЖБА

Рассказ

Взглянув только на чисток стальных щек, судящих за окном мелькала чашечка домины в снеговых шапках; Москва стремительно бежала нам навстречу. Пассажиры овладели обычное истерение, и все пришло к А. покладу, и чем считалось уже измученной. И только тут заговорил человек в военной форме с командирскими знаками различия.

— Рассказываю вы интересно, молодые товарищи, — начал он, отодвигаясь от окошка, у которого просматривал целые дни. — Дружба — величайшее и благороднейшее чувство. Уней, записав друга, отдавая жизнь — действительно, такой славный исповедный закон существует у нас, советских людей. И все-таки это чувство и сложней и еще выше, чем многие из нас думают. Хотите, я расскажу одну короткую историю, подумайте о ней на досуге.

— Еще бы не хотели! Командир ехал с Дальнего Востока, где совсем недавно у озера Хасан грелись орудияе залпы. Ему было что рассказать.

Начал он спокойно, как человек, отлично умеющий рассчитывать время:

— В ночь одного маяора был зачилен рядовым бойком сын его лучшего друга — Миша.

Майор провел с отцом Михаэля П. все годы гражданской войны. Они расстались только под Варшавой, когда в русском войске одному срубил пальцы на чужой земле. При отступлении получил тяжелое ранение и будущей командир. Чуть ли не полгода он пролежал у своего беспамятного приятеля, который жил где-то здесь, под Москвой. Дети их отходили от его кровати. Случалось, что они решали кулаками, кому сбегать за спичками или принести больному стакан чаю. Особенно тяжело ухаживал за ним Миша. Дети их отходили от его кровати. Случалось, что они решали кулаками, кому сбегать за спичками или принести больному стакан чаю. Особенно тяжело ухаживал за ним Миша. Дети их отходили от его кровати. Случалось, что они решали кулаками, кому сбегать за спичками или принести больному стакан чаю. Особенно тяжело ухаживал за ним Миша.

— Не скучно? — спросил рассказчик.

— Но даже те, кто не успел собрать вещи, сидели и внимательно слушали. И он продолжал, не дав нам ответить:

— Я и сам видел Мишу не раз. Был он добродушнейший увальня. Шапку так же носил как-как — лишь бы держалась, ходить — боролит пыль, погань, — и все по бесечности; ведь жизнь так прекрасна!

А при всем этом был способнейший парень. Такие задачи вешал ты на него, рот разинешь. Как это ни странно, он жил далеко не последним и в строевой и физической подготовке, а, например, «звонкие гордак» продвигался артиллеристами. Сроду не видел, чтобы так, как он, перематывали через заборы. Не стужен, не задерживал, как есть ветром перенесло. Возьмем — прямо зайчишка на занести.

— Но вынуждаю порой подползала. Случалось, построится взвод выслушать оленку, а у героя дня гимнастерка на одну пуговицу расстегнута. Он, голубчик, не проверил, стоит себе, и горю ему малюсенько.

Пришел он в армяно немного разболтанный и службу начал с мелких дисциплинарных проступков. В часы сна ухитрился читать книжку, а потом делал носом. И при этом явно рассечивал на покровительство майора. Конечно, он не наказане был всяких складок. Пытался было Микала разглагольствовать оскорбительное достоинство, но, к чести его сажу, скоро застыдился и принял новые условия дружбы. Когда майор приходил в роту, их разделяла такая же дистанция, какая существовала для всех. Один раз даже пришлось Микалу выслушать суровый выговор перед строем — все за то же злоупотребление пуговицы. Но полу-

чал он отпуск — и они на квартире майора резали в шахматы и вспоминали далекие дни...

Приходили трогательные и напынные письма от милой матери. То она соблазнала приладить ему особые наказы санитара и просила по-своему сделать ему поблажку — пусть носит. То спрашивала, нельзя ли устроить Мише отпуск. Командир прочитывал эти письма вслух и с удивлением наблюдал, с какими жаром Миша нападал на них.

— ...Собственно, в этом весь смысл моей истории, — прервал рассказчик самого себя. — Вспомните хотя бы «Войну и мир» Толстого. В старой армии дружеские и родственные связи с начальником давали телесное исцеление в штабе, тысячи ежедневных поблажек. У нас в частях личной дружбы неотделимо от общественного долга, и потому оно охватывает от всего короче, долготы, милое, милое. Но, раз уж начал, доведу до конца...

— Часть, о которой идет речь, участвовала в бою у озера Хасан. Общую обстановку и ход событий мы все, конечно, помнине. Японское правительство вдруг решило, будто жители Манчжурии-То необходимо советской солта Заокеанная, чтобы молиться богу. Крупные соединения японской армии захватили ключок советской земли и немедленно повели на нем бетонные укрепления, помидорку, для чего предприняли союку на тарелке с голубой каемкой, как говорил безвестный старпур Бендер. Но самуран не вымолили особах шеатро у советского неба. В небе появились наши бомбардировщики — и неслабыми «ботомында» пришлося срочно читать отходную своим себе.

Остатки их потропающих полчищ засели в бетонных норах и повели бешеный огонь по наступающим советским частям...

— Подразделение, в котором служил Миша, вытолкнуло на особенно сильной огневой барьер. Японские снайперы и пулеметчики использовали преимущество своих укреплений

позиций, наносили чувствительные удары. И вот группа бойцов попросила разрешения пробраться в тыл к самуран. В группе был и Миша. Командир Рота выбрал троих, но Михаилу как молодому еще бойцу отказало. Тогда Миша подошел к майору...

— ...Обстановка была жаркая. Земля вверху — осиния трава, долом градом забита, пуля кот и не летит вверх, нестерпимо поканись из-за прикрытия, — одна на твою долю всегда найдется...

— Товарищ майор, — сказал Миша, — разрешите принять участие в вылазке для подавления огнеточек врага.

Не знаю уж, колебался ли майор или что другое, но только он не ответил сразу, а сначала внимательно, насколько это возможно сделать в ослеп. Решитель бойца.

— Товарищ майор, — нетерпеливо добавил Михаил, — я в первый раз прошу оказать мне доверие. Лучше нас меня никто не знает. Если откажете, значит, уж и в трех козлет не стою.

На этот раз впервые роту не отказал Михаилу в привилегии по службе.

И командир и боец, конечно, помнине, с какими опасностями связана воздушная операция. Командиру хотелось обмолвиться со своим любимцем несколькими теплыми, дружескими словами. Он спросил, давно ли Миша получал письма из дому.

— Несколько дней назад, товарищ майор, — открыто ответил Миша.

— Как мать? Все bestest?

— Наступило улучшение, товарищ майор.

— Будешь писать, передай от меня привет.

— Приказано передать привет, товарищ майор.

Дружеский разговор не удержал. Теперь Миша видел перед собой только командира. Напряжение боец заставляло забыть все постороннее.

— Прячься в складках горного склона, бойцы пробрались за огневой барьер. Вскрсе из-за прогнинея послышались взрывы гранат. Некоторые японские пулеметы умолкли, другие перенесли огонь куда-то внутрь своих позиций. С возгласами «За товарища Сталина!» За ротаю начали шлепать мощные бросовые унитарноа на пути живую силу и огневые точки врагов. Каждый боец не раз вспомнил четырех храбровцев, которые обещали своей части быструю помощь и помощь Скоро наступления происходило один из них, он остался невредим. Еще двоих подобрали в опустошенном окопе врага: оба получили опасные ранения. Четвертый же был найден мертвым.

— Рассказчик круто отвернулся к окопу и некоторое время рассматривал мелькавшие под насьмом, на улниках московской обороны, автомобили. Мы с тревогой заглядывали через его плечо. Неучтоку Михаил отодвинулся. Рассказчик командир и устало закончил:

— Товарищ, который и сам был ранен, долго болел, а как известить родителей Михаила о постигнем их несчастье... Первое письмо он начал так: «Ваш сын не сумел уберечь вашего сына...» Но поинувалось, что фальшивый. Подумал.

«Я хочу прирать ради сохранения дружбы с побратимом, но разве эта дружба не порождена безавветной храбростью? И он начал другое письмо. «Ваш сын и мой друг погиб, как герой. На последнюю, очень опасную операцию, с которой он не вернулся, я послал его досим, надеясь на дейло группы добровольцев...» — так началось письмо. На сколько я знаю, майор теперь ждет ответа.

Рассказчик открылся, точно все мы вдруг стали ему неприятны, и взял с полки небольшой чемодан. Он вышел на загона паровой, слегка прихрамывая.

Мы долго не теряли его в людском потоке. У проходной калитки бросился к нему след человек и немолово, по мужски, обнял его. На руке, которая обхватила командира через плечо, недоставало двух пальцев...

У проходной калитки бросился к нему седой человек и немолово, по-мужски, обнял его.

Ну, разве это не несчастье? Пять лет учиться в реальном училище — и вдруг конец всему. Умерла тета, которая, хоть и не гуето, но всё же кормила Станду, и пришлось перейти на собственное иждивение. Без по боку, logarithмы, аналитическая геометрия и все другие премудрости. Давно ли еще Станда был в школе, давно ли плавал от зурбегжи, от страха, от вечных поправок учителей? Мол, такому болвану, как вы, Станислав Пульман, следует бы поусерднее... Если уж вы получили возможность учиться, так надо стараться, надо достичь чего-то...

Стараться, стараться, стараться! Станда старался. И вдруг — хлоп! — умирает тета и, пожалуй: Станда «достиг чего-то» с этой своей аналитической геометрии. Эх, не надо бы величьем связываться с учением! Теперь вот силе с этой геометрией и французским языком и ковырял мозоли на пальцах.

Долго пришлось искать работу, наконец, Станда поступил в шахту откатчиком угля.

Правда, перед этим он два года служил в строительной конторе чертежником. Зароботк неважный, зато можно было учиться вечерами и надеяться, что в один прекрасный день прервешься на... безработицу инженера. Эти вечера! Они были прямо новинским: сидишь над учебниками, таранишь глаза на примеры и уравнения... Боже ты мой, ну как же они решаются?!

Хоть бы какой-нибудь заваливший учитель вез сейчас под боком, объяснил бы хотя в двух словах... Станда бы сразу понял, решил бы уравнение в два счета. А так глдишь, глдишь в книгу, а видишь фигу! Пусть-ка кто-нибудь скажет, что Станда не старался!

Два года! Вы только себе представьте: каждый вечер до ночи корпел над книжками, ударил себя кулаком по голове: надо понять, надо научиться! Это не шулка, друзья мои! Удивительно, как еще выдержал человек: давно бы пораз ему слоухоту от чухотки, недодания и безалащности.

А потом фирма пошла. Жульничали, жульничали на стройматериалах, вот и наваздал богу: заспылю семерых камешников. Архитектор застрял перед самым арестом, а чертежник Станислав Пульман опять остался без места. Разве найдем работу, если говорить, что служил в этой злощастной строительной фирме? Что вы, молодой человек, еси ли у вас голова на плечах? Никто не возьмет слу-

Мы печатаем отрывок из романа «Первая семья» русского умершего чехословацкого писателя Карела Чапека. В этом своем незнакомом родному читателю романе Карел Чапек рассказывает историю юности, сына рабочего, выкулаковского извоза. Бесноты бросить школу и завлечь за уэльсовый шахтерский труд. Часки традицион показавшие: отчаяние, мания, пылкая попытка совместить работу в учебной. В капиталистическом мире такое совмещение невозможно. Почетный намы отрывок повялится из русского языка впервые.

жизнего, который причастен к этакому темному делу.

Ну что же, видно, суждено Станде избрать другой путь. Покойный отец работал на кожаной лещи, сын будет рубить уголь. После пяти классов реального училища, после двух лет корпения над строительными сылками будет Станда рубить уголь в шахте «Христиана». Надо же чем-нибудь жить человеку! Видно, это у них на рогу наивсшему делу был плотником в шахте, отец работал там же, а когда сломал ногу, перешел на кожаную пещ. Так и сидеть вам, Пульманам, весь век на черной работе. Нюхачих чертежных досок, никакой аналитической геометрии, паробайка на угле, ты, Пульман! Так-то леда, голубчик, из этого уж не выкарабкаешься!..

Нет, не выкарабкаюсь, — с отчаянием думает Станда — Хоть бы, морт возьми, не догнать быть откатчиком, не гонять чортвы вагонетки. Никогда я не наловчусь делать это. Болит поясница, болит рука, но главное — вагонетку заделает каждую минуту на стрелке. Толкнется ее, трясень, надрыньешься от нагуля, да еще вагур вывернется с рельсов — и тогда не оберешься сразу...

— Глянь, ты, растаял, вот как назо! — провозгласит Вадора или Грыгар и слегка хикнет вагонетку одной рукой и она уже покатились, вот как малу! — Просто, а? Глянь, ты, дурень, вот как назо!

Так зачем же человек проделал пять классов школы, зачем зубрил французские vocabulaires, к чему были все эти черчения, рисования? Вы говорите: зачем? Видно, затаем, человеке, чтобы ты еще острее чувствовал свою беду и одиночество.

Одиночество! Вот оно, правильное слово. Как будто не хватало ему одиночества в училище! Болвану нелегко в классе: надо лучше

других учиться, надо быть старательнее и благограннее всех. Постоянно ему дают понять, что образование он получает из милости и, стало быть, должен заслужить его образцовым поведением, и благодарностью.

— Будьте повнимательней, Станислав Пульман!

— Я вам объясню еще раз, ученик Пульман, дабы вы были лучше подготовлены к периоду в следующий класс и вообще к жизни. Вам это крайне необходимо, мильшени!

Малолетний Пульман уже со школьной скамьи начинает понимать, что к нему относятся с каким-то презрительным состраданьем, не так, как к другим мальчикам, точно он слабее других, или недужный, или бог знает что.

Когда думаешь об этом, настроение сразу падает, даже слезы навертываются на глаза от злости и от огорчения. И откуда только взялась у мальчика эта чувствительность и замкнутость?

— О чем вы там мечтаете, ученик Пульман? Лучше бы как следовало урюк. Это вам необходимо, дабы быть надлежаще подготовленным к вступлению в жизнь.

Вступление в жизнь... Вот оно, господа, вступление в жизнь: толкать по рельсам вагонетку с углем или крепким лессом да глядеть, чтобы колес не заело на переезде... Не раз хочется шахтерам рассердиться на Станду: много задержек по его вине. Ну, да что подделает, когда наваявал на шее этого дохлого недонесика, эту школьную крысу? Разве можно безучастно глядеть, как он, запарившись, пыхит так, что глаза лезут на лоб?

— Отойди уж, ты, недотепа! — проронит сквозь зубы шахтер Вадора и берет лопату из рук Станды — Вот как надо накладывать уголь, дуранья!

И Станде нелегко и стыдно, точно он стоит перед классной доской и слышит:

— С вычислениями у вас плохо, ученик Пульман, надо побольше стараться... Стянузу зубы, Станда нажимает на вагонетку: «Я еще покажу вам, какой я слабый!» Эх, если бы так относились только Грыгар — слезы и лабожины, мускулы, так у воля-но такого и Вадора, малорослый, сухой человек.

Когда после смены все моются в душе, Пульман украдкой сравнивает себя с другими

ОДИН ИЗ 35 000

шахтеры. Правда, нет у него этих вздувшихся жил и узловатых суставов. Но не по-ображайте, милые люди, что вы какие-нибудь красавцы. Чорт знает, откуда еще берется в этих костлявых телах столько силы и удалости! И верно — совсем костлявые. Но куда годиться против них ты в свои 18 лет? А еще говорят: цветущий возраст! Вагонетка на повороте кругу не можешь приподнять.

— Пустышка, а ладно! — продалась извощенная зуби нискоростый Валдура и слезает угольную пыль. — Господи боже мой, и из этого парня должен выйти шахтер! Шел бы лучше в школу развиться.

— Не любит он меня, — с обидой и горечью думает Станда. — Ладно, не думайте, что буду вам навязываться. Не о чем мне с вами говорить. Вот хоть и этот Валдура, — вставил у него разговор, крича как о любимом крольчатнике? Их всех зло берет, что я учился в школе, — вот в чем все дело. Хотят показать, что я не их пони жидко. Ну и ладно, не их. В школе тоже был жидком, потому что я сын рабочего. А здесь стал чужим, потому что погрязнее других. Много бы я мог рассказать, о чем читал в книжках, но только они не хотят слушать. Слава, вышло словечко — хоть бы и о наших шахтерских делах, — как гариет на меня тота Грыгар: — Не трепещ! Одиной домой не дойдешь, а тоже лезешь рассуждать.

Ну и ладно, ладно Грыгар, не скажу ни слова. А только я такой же рабочий, как и вы, хотя всего только откатчик, и имею право на свои взгляды. Погидете, придет время, буду я говорить, а вы слушать. Буду говорить за всех откатчиков и шахтеров, за машинистов и рабочих коксовых печей, за вас, горяки «Христины», Маряну, Верхтолда и Рудольфовых шахт. Буду говорить о нашем черном труде, о нашей трудовой жизни. С господами у большого стода буду спорить за вас...

«— Господи, вы, шахтеры, заявляю о своих правах... Что бы стало из нашей промышленности, электростанциями, роскошными виллами, сверкающими дворцами! Без черного нашего, грязного угли коня был бы всей вашей великодержавной цивилизации. Сгуститесь-ка, господа на глубину 500 метров к нам в уголь, поглядите на забойчика Грыгара, голого по лосу, потного, вмазанного угольной пылью. Но он орудует буром. А вы смотрите на Валдуру, что мурбует обфобым молотком пласт угля и останавляется лишь тогда, чтобы откатиться и сплюнуть угольную пыль. А вы бегаете-откатчик стертыми до крови ладонями толкаете вагонетку, грузежную драгоценную для вас углем. Живей, живей, откатчик, не то вы выполните дневную норму!»

Вот как достается уголь, господа. Да еще надо глядеть, чтобы вам на голову не сорвалась глыба со свода, чтобы не похулили вы вредного глупца, да не привядли вас полсекунды вазу. Мы, шахтеры, привыкли к тому, что смерть стоит у каждого бока у нас вроде надсмотрщика в каждой смене.

Вот теперь и скажите, господа, за какие денги вы заявляе бы за такую работу?

Но не думайте, мы любим свой труд! Мы его не променяем на любой другой. Мы требуем только, чтобы работа шахтера получила то высокое уважение и достойную оплату, которых она заслуживает. Я кончил, милостивые господа!

— Скажите, господа, кто это отважный шахтер?

— Это товарищ Станислав Пульван. Образованный и воспитанный человек, давал и мог бы стать штейнгером или старшим мастером, но не хочет расставаться с товарищами. Огромное влияние во всем округе, шахтеры его прямо боготворят. Приходится, знаете, с ним считаться.

Станде становится отягодно от этих фантазий. Что за глупости! Но ведь он и в самом деле мог бы кое-что сделать для товарищей по классу! Пока что, однако, приходится гонять вагонетки. Руки отрубилась пальцы свиньялись, даже не выпростись их как следует. Не держать уж им никогда рейсфедер! Вот что значит откатчик угля!

— Станда, слышишь гудок, следовательно совете на ладони стерты до крови мозоли...»

Перевод с чешского Юр. Аксель

35 000 вагонов и движется в День физкультурника пролудит по белой силе, украшенной цветами и яркими стягами Красной площади.

Среди многих обществ, каждое из которых несет свои флаги и транспаранты, пролудит колонна добровольцев спортивного общества «Ют фронт». В это общество входят физкультурники различных предприятий металлообрабатывающей промышленности.

В первых рядах колонны мы узнаем корсажера, широкоплечего парня со счастливою шеей. Это отличный спортсмен, значок «ТЮ», один из лучших стажеров завода «Шарксонддиннинг» имени Л. М. Кагановича, комсомолец Анатолий Мионов.

Два года назад он мог только завидовать тем спортсменам, которым выпала высокая честь демонстрировать на Красной площади свою готовность к социалистическому труду и обороне страны.

— Чего завидовать? — говорил Мионову. — Надо самому поскорее стать спортсменом. Начал со значка «ТЮ».

В конце лета 1937 года Анатолия можно было часто видеть на заводской спортивной площадке. Зимой он слал первую норму.

Мионов везет к товарищам на лыжную вылазку в Петровско-Разумское. Он шел по удобной лыжке, стараясь не отстать от товарищей, мимо заросших снегом кустов, на ветках которых были привязаны красные досочки, обозначающие дистанцию. Десять километров он прошел легко, только у финиша, перегона идущих вперед лыжников, немного запылился.

— Стали! — крикнул ему инструктор, глядя на секундомер.

Многие ребята из цеха уже занимались летом и теперь, слав последние нормы по лыжам, получили значки. Больше тридцати человек встали в эту зиму на гряды миниатюрную идеальную шестерку с фигуркой бегуна.

Комсорг цеха отличная спортсменка Ваулина добивалась, чтобы каждый комсомолец стал значком.

Как-то раз Евгений Федорович Мионов, отец Анатолия, работающий на металлургическом заводе механиком, пришел домой в приподнятом настроении. Новенький, блестящий эмалью значок сверкал на его рубашке.

— Ты? — удивился Анатолий.

— Да, и! — весело сказал отец. — А когда у тебя будет?

Анатолий, которого недавно выдвинули на

работу наладчика, хотел что-то сказать насчет своего занятии, но промолчал. Надо было догонять отца.

Будучи крепким от природы, Мионов без особого труда слал бег и прыжки в высоту. Зато с нормами, для слани которых нужна была спортивная подготовка, пришлось основательно поновиться. Подтянувшись он смог сдать только после усиленных занятий гимнастикой.

Глядя на Анатолия, стали тренироваться его друзья: Копченю, Кулевова и Королев. Они все делали вместе: вместе учились в ФЗО, работали в одном цехе, и все метры метали в службе в Красной Армии в Воинско-Морском Флоте.

Занятия на стадионе отнимали почти все свободное время. С площадки он возвращался уставшим и сразу ложился спать, но это была принятая усталость. Вставая утром и идя на работу он чувствовал необыкновенную легкость и свежость во всем теле. Его кожа загорела, плечи раздались, движение окропленного тела стало более уверенным. Месячную норму он выполнял уже в среднем на 220 процентов, а в некоторые месяцы — до 350. Настоящей потребностью стало для него время после работы на стадион размять мускулы небольшой пробежкой, прыжками.

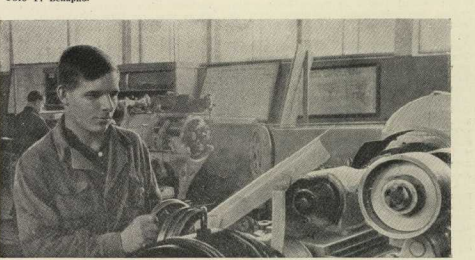
Только в конце лета, сдав последнюю норму, он вместе со своими товарищами получил значок «ТЮ». Больше ста значков среди них как хороших стажеров и спортсменов. Скоро его выбрали физиком цеха.

Мионов близко знает своих ребят, чья станки ему приходится наладывать. После работы он едет с товарищами на стадион или идет в гимнастический зал. Это уже не прекрасный, пустой класс, а настоящий огромный гимнастический зал, с высокими окнами, шведской стенкой, рингом для бокса и самой современной аппаратурой для гимнастических упражнений. Мионов теперь проводит занятия с новичками, а сам идет на вторую ступень.

Много изменилось за эти два года. Открыло и выросло заводское спортивное общество, которым руководит старый комсомольский рабочий тов. Е. Гуриничев. Больше чем в четыре раза выросло число значков: сейчас их на заводе 1700 человек. В цехе, где работает физиком Анатолий Мионов, 30 процентов всех рабочих носят на груди почетный значок.

И лучше из них вместе с Мионовым участвуют в параде в День физкультурника.

Фото П. Бенарю.

А. Мионов у своего станка.

На берегу.

ЛИРИКА

СЕРГЕЙ ФИКСИН

Море

Мы с тобою на море бывали
И, ступая на сухой песок,
Мелкие волны разбивали,
В челноке рыбащем уплывали.
Тыла берег, мутен и высок...
Ничего ты мне не говорила,
Только помола, и тот хороший час
Как глаза ты темные гасила.
Как любви разбуженная сила
На пути задерживала нас.
Сколько дней не стало — миновало!
Сколько звезд упало над водой!
Каждый вечер море наступало,
И шумящих ракушек немало
Бесплодный вылетел из прибой.
Сын играет злыми дарами,
Ладит парус,
И не знает он,
Как сияло солнце над горами,
Как мы долго имя выбирали
Средь хороших ласковых имен.

После дождя

После дождя
Моледеет густые березы;
На первых ромашках
Дрожат и горят жемчуга,
Идут стороною
Тяжелые синие грозы,
И свежестю лета
Зеленые пахнут луга.

Подернулась даль
Голубой поволокой,
И ветер не в силах
Набухшей травы раскатать.
И чувствуешь ты,
Что до смерти далеко, далеко
И сердце твоё
Замарает, чтоб снова стучать.

Легко дышать. Дождем тропы прибиты.
Горький колос влажен и тяжел
И солонее разогрешенный пропитан.
Веселый дождь!
Хороший дождь прошел!
Зерно прозрачным воском налилось,
Зеленые кузнечики трещат.
Идет старик и трогает колосья
И гладит их как собственных внучат.
Испарина клубится под ногами,
Проходит он — хозяин всей земли,
И кажется, что пахнет пирогами,
Что гости собираются вдали...

В сумерках

Путь-дорога сквозь мокрый осинник.
Вечерней. Прохлада в лесу.
На пути колокольчиков синих
Почему-то нарвала и несусь.
Для кого? Все равно по дороге —
На одной человеческой души.
Просто рвала потому, что их много,
Потому, что они хороши.
Вот иду и пою-напеваю,
Как во поле шумит лобода,
О любимой, которой не знаю

И не знаю, увижу ль когда,
Повстречано ль такую на свете,
Загляну ли в такие глаза,
Чтобы все колокольчиков эти
Завывала во все голоса?

Учитель

Перед окном калитник да ромашка,
Сухим укропом пахнет огорода,
И сам хозяин в вышитой рубашке
К тебе навстречу выйдет из ворот.
В сосновый домик он войдет с тобою,
Прищурит глаз — и старая поймет
И затрепет асфальтом и трубой
И в желтой миске меду принесет.
Пока хлопочет добрая старуха,
Евзольваново, и просто, и тепло,
Вы у окна, как два сердечных друга,
За двадцать лет припомните село.
Перелистаешь синие тетрадки...
Диктант «Гроза». Такой-то день и год...
Пришли ребята и ушли ребята,
Пошли ребята далеко вперед!
О всем, о всем тебе старик расскажет,
Потом к широкой карте подведет,
На города и на моря укажет,
По именам городов назовет...
Засушенные бабочки остались,
Еще видна на крылышках пыльца...
Нигде, нигде душевной не прощались,
Как по весне у школьного крыльца...
Крылом махала старая ветрилка,
И гармонист прощальную играл,
И сам учитель бред до полустанка,
В большую жизнь любимых провожал...

ДОМ НА ЖИТОМИРСКОЙ

Отрывок из повести

Я вошел в комнату и увидел за столом отца. Он обелал, а тетка доставала с полки пустую кастрюлю.

— Ага, челова! — весело подмигнул мне отец. — Сядьте обедать. Я без всякой охоты сел за стол напротив.

— А мне сегодня нагоняй за тебя был, — сказал отец.

— Какой нагоняй? — спросил я, насторожившись.

— Да Полевой все меня распришивал о тебе.

— Полевой?

— Знаешь, тот высокий, без ошейника, что заходил к нам. Секретарь партийной ячейки в нашей совпартшколе. Все интересовался тобой. Где? говорит, учился, куда двинулся дальше? Я ему рассказал все, а он тогда: что ж, паря, говорит, парню в комсомол погнать. Ты, говорит, Манжура, коммунист, передовой человек, а парню у тебя бакуши бить. Пусть, говорит, поощат ману комсомольскую ячейку. — Понятно?

Тетка пододвинула ко мне тарелку супу с желтыми клецками. Сверху в этом жирном, наваристом супе плавали мелко нарезанной зеленым укропом.

— Понятно, Василь? — переспросил отец.

Я поднял голову. Широколицый, усталый, в парусиновом толстовке с расстегнутым воротом, облокачившийсь обеими руками на стол, отец смотрел на меня в упор. Я не выдержал его взгляда и, опустив глаза, чуть слышно сказал:

— Понятно!

Уже много месяцев я не мог спокойно видеть тех клопов, которые носили на груди темнокрасные коммюские значки. Как и завидовал им!

Не раз, когда комсомольцы ячейки печатников строем проходили из Старого города в свой клуб на Житомирской, я оставался в полдому смотреть им вслед.

А как я любил, когда они начинали петь любимую мою песню:

«Едет едет Ванзер, Ванзер,
Его ветрелик неселет.
На лавочке меньшестелет.
Всем лавочка он лавочет.»

Я не знал тогда, что Ванзер — это Ванзерфельд; не знал кто он такой, но песня мне нравилась. Да не только такие понятия, как «меньшевизм», «эсеры», были для меня непонятны; и как следует не понимал, что такое «комсомол», а только догадывался, что туда идут самые хорошие, самые честные, самые смелые клопы.

Я мечтал: поступлю осенью на рабфак, стану посещать комсомольскую ячейку, а затем и займусь подом. Мне и в голову не приходило, что я могу вступить в комсомол здесь же, в совпартшколе...

Надо поговорить с Полевым о комсомоле, твердо решил я.

Но как на грех Полевой пропал неизвестно куда. Целый вечер бродил я по двору, посиел на скамеечке возле турника, крутился возле часового, прохаживаясь вблизи кухни. Миню пробегали курсанты, служивые, но Полевого среди них не было.

Можно было, конечно, у любого спросить, где он, но я стеснялся, вернее, мне не хотелось, чтобы Полевой узнал, что я его разыскиваю. Хотелось встретить его случайно и тогда заговорить с ним...

..Полевой мылся, громко фыркая..

На следующий день после полудня пошел дождь. Утром небо было чистое, солнце светило воско, казалось, весь день будет хорошая погода, как вдруг неожиданно пополнился с запада тучи, и не успев я, возвращаясь от Петьки Маремухи, пройти два квартала, как сразу пошел сильный ветер, захлывнувшись по улице пылью, и прожигие стали быстро прятаться в подворотнях. Побоялся и я. Ветер засыпал глаза пылью, волосы растерялись, я мчался что было сил по середине мостовой навстречу ветру и поживался в ожидании первого удара грома. Тучи на небо сдвинулись все плотнее, они прямо кружились над городом, наталкиваясь одна на другую, синеватые, густые. На глазах темнело. Казалось, не полдень сейчас, а самые восточные сумерки.

Мелькнул за кустами реднотчатый зеленый затор совпартшколы. Когда я подбежал к ней, первые тяжелые капли дождя посыпались на пыльную, прогретую солнцем землю. Жалобно закаркали ворона на деревьях. Сразу же, словно испугавшись дождя, улетел ветер и грязный лоскут бумаги, кружившийся вдоволь, вдруг бесшумно упал на землю.

..И только я вбежал во двор, миновав часового в будке, дождь хлынул надо мной силой. Попа и добежал до кухни, земля стала уже черной и мокрой.

Я открыл окно. Где-то за старой крепостью очень резко ударил гром. Его раската раздались в равномерном шуме дождя.

Белое здание совпартшколы сквозь дождь казалось пустынным, нежилым — окна его, обильно взбрызнутые дождем, блестили и сиялись со стенами, как при закате. Я лет жиг

наружу. И сразу же во шне я вольно стал бить меня дождь. Это было очень приятно — лежать голым животом на гладком холодном подоконнике, подставив затылок свежесу и тесному густому дождю.

В эту минуту сквозь шум дождя я услышал громыхание колес. С улицы во двор быстро в'ехали одна за другой две высокие военные подводы. На них, укрытые мешками и брезентом, сидели люди. Подводы сразу повернули влево и скрылись под аркой на заднем черном дворе.

Дождь, как и всякий летний дождь, скоро прекратился, тучи потихоньку открыли солнце, и яркая разноцветная радуга поднялась над садом, опираясь одним краем на мокрую железную крышу совпартшколы.

Разве можно было усидеть на кухне, когда на дворе светила радуга? Я скинул салявки, наткнул струю рубашку и, закатив влажные штаны, выбежал на крыльцо. И на минуту замер..

Внизу, около водосточной трубы, мылся Полевой. Он стоял, согнувшись над чужим котлом и, зачерпывая широкой ладонью дождевую воду, обливался ею. Он быстро плескал воду на грудь, на спину, то нагибаясь, касаясь волеи головой. Рядом, на камешке, лежал маленький серый обмылок. Вода в луже под котлом была мутная, беловатая; видно, Полевой уже намылся и сейчас смывал мыло. Ему было трудно работать одной рукой, он даже покосился от натуги, и на спину у него ясно вылезли большие пятна. .. Он стоял у котла в трусах, и его большие крепкие ноги до шикмолок были забрызганы грязью. Рядом, да ветке сирени, я увидел одежду Полевого.

Осторожно ступая по лестнице, я спустился вниз. Полевой мылся, громко фыркая, и не слышал моих шагов. Под его упругой загорелой кожей бегали мускулы, особенно сильной и мускулистой казалась единственная его сильная волосатая нога докта, очень сильная возле плеча.

Как окликнуть его? Сказать: «Ладя Полевоий! Нет, ни в коем случае. «Ладя» говорят только паньны, а я уже большой. Подставилась за спиной Полевого, я хмыкнул и сразу же сказал:

— Здравствуйте, товарищ Полевоий!

..Он быстро обернулся. По носу его пробежала струйка вола. Мягкие темные волосы падали на загорелый морщинистый лоб и доставали почти до бровей.

— Здравствуй, молодой человек! — сказал Полевой. — Ты не гнать ли меня пришел?

— Как гнать? — не понял я.

— Ну отсюда. За то, что и воду вам перевожу. Котло-то чини небось?

— Нет, казенный.

— Ну, тогда ничего. А то я, видишь, заплылся дорогой, приехал, вижу, дождь идет.

— Да, тумано, истапи, помокоси. Очень люблю я дождевой волеи мыться. Это, брат, лучше всякой бани, дождевая вода.

— А у вы где были, товарищ Полевоий?

— Банитов в котло-то коротко отпустил. Полевой, закатав в ширей назад волосы — И вот пришлось мне на мельнице в засаде по-

сидеть. Целых пять часов. А знаешь, кака на мельнице пыль? Задохнуться можно.

— Ты майль бы Полевоий? — усмежился Полевой.

Сейчас мне стало понятно, где он пропал все это время. Как я не мог догадаться? Ведь если сегодня утром мы выехали из города на ликвидацию банды Косомольского выступила большая чиновский отряд из одних коммунистов и комсомольцев. Значит, и Полевой был в этом отряде. Я смотрел впереди на Полевого с восхищением и завистью. А он поглядывал себя рукой по груди, нагнувшись с мылом. И, ополоснувшись в котле гуду, махнул стал натирать штаны. Когда Полевой оделся и, не спеша на мостике встал, подошел к Поленову, собрался уходить, я спросил осторожно:

— Скажите, а то правда, что я могу посетить комсомол? Вы говорили правду?

— Верно! — улыбнулся Полевой. — Я говорил Мируну.

— А когда?

— Когда? Погоди. Что у нас сегодня? Четверг? Ну да, четверг. Значит, собрание завтра! Ну вот и приходи в пять часов в клуб.

*

Я пришел в клуб не в пять, а в половине пятого. Клуб помещался на втором этаже в бывшей церкви. Еще до сих пор кой-где у самого потолка выглядывали из-под портретов темные лица святых. В этом большом зале, покрытом сеной столами рядами черные парты, а на занавесе была нарисована фигура обнаженного рабочего, который молотом разбивал плечо на демосов шаре. В левом углу, под самой сеной, стоял рояль. На скамеечке у рояля сидел курсант Марушак. Когда я вошел в зал, Марушак сидел задумчивым, но стоило мне подойти к партам, как он, точно встретив меня, заглянул на роле «собачий вальс». Я подошел к роялю и сел рядом на парту. Марушак покосился на меня и продолжал играть. Он слегка покачивался в разные стороны, махал головой, закрывая иногда глаза, видя было, ему очень нравилось играть на роле. Иногда он подымал обе руки высоко над клавишами и потом, точно рассердившись, сразу бросал их вниз. Рояль гремел так, казалось, струны вот-вот лопнут, но струны не лопались, а Марушак продолжал играть. Когда ему наскучил «собачий вальс», он заиграл «Мам, купи ты мне дачу». Эта штука получалась у него лучше — тихонько. Видно, он привык к даче: забормотал про себя новые слова этой песни:

«Белая роза — Ленинка,
Черная роза — Машино,
Красная роза — коммуна.
Вот как устроил наш мир».

В зале стали собираться курсанты. Постукивая крышками парт, они рассаживались. Одни слушали игру Марушака другие читали газеты. Я потихоньку встал и, отойдя, уселся позади всех, на последней парте. Я чувствовал себя здесь не очень хорошо: вокруг были незнакомые люди, а Полевого все еще не было видно.

Позднее занавес. В полутьме сцены покрытой ситцем стоял маленький столик с графином воды.

Марушак, как только открылось собрание, гудко захлопнул крышку рояля и надел фуражку. Почти все курсанты соварищатски встали голубые летние буденовки, а вот Марушак никак не мог расстаться со своей пожелтой фуражкой. Видно, она сохранилась у него еще со времен гражданской войны, эта яркая фуражка с малиновым верхом, синим околышем и маленьким выгнутым лакированным козырьком. Рывшая такую фуражку носили черные казаки, те, что выглядели из нашего города Петлюру. Даже сам Котовский — рослый, плечистый командир корпуса черного казачества — приезжал одеваться к нам в эту шапку на парад в такой фуражке, как у Марушака.

Собрание началось. Я не расслышал вступительных слов председателя, совсем молодого курсанта в синих шерстяных бриджах и бортовой толстовке. И сразу из зала на сцену по скрипящей деревянной лесенке поднялся Марушак. Он стал делать доклад о том, как живет подфизия сотня черного казачества. Оказывается, Марушак недавно ездил в эту сотню, отвозил казаккам комсомольские подарки. Говорил Марушак медленно, часто запи-

нался, иногда подолгу подыскивал нужное слово и сердито махал рукой — точно сбавляя рубль. Конечно Марушак доклад как-то сразу; все думали, он будет говорить еще, и сидели молча, а он улыбнулся и сказал:

— Ну, вот и все! Чего ж больше?

Молодой парень в синих бриджах позвонил в колокольчик и предложил: прений не открывать, а информацию товарища Марушака принять к сведению в руководстве.

Поступаясь тяжелыми подковоными сапогами, Марушак спустился со сцены и сел рядом со мной. Видно, от волнения он тяжело дышал, а лоб его покрывал испариной. Глядя на сцену, он наощупь достал из кармана платок и стал вытирать им лицо. Я искоса следил за Марушаком и не слушал, что делается на сцене. Мне было приятно, что Марушак уселся рядом со мной на одной парте, и я решил спросить: правду ли говорит, что он был у Котовского, или то мне забрехали? Но в эту минуту Марушак поймал на себе мой взгляд и внимательно посмотрел на меня.

Я сразу отвернулся и стал разглядывать портреты, висящие на стене.

Парта качнулась, крышка ее громко стукнула, и я услышал голос Марушака:

— Минуточку, товарищ председатель! — громко, на весь зал, сказал Марушак. — По-моему, здесь есть бестаргитный!

Шорох пронесся по залу, и затем наступило молчание. Все курсанты повернулись к нашей парте.

Председатель позвонил в колокольчик и спросил:

— Окуда бестаргитный, товарищ Марушак? Я же объявлял здесь вашего доклада, что собрание закрытое. Бестаргитные ушли.

— А вот, по-моему, этот хлопец — бестаргитный! — громко сказал Марушак и, трогая меня за локоть, спросил:

— Комсомольский билет у тебя есть?

— Товарищ, вы комсомолец? — крикнул со сцены через весь зал председатель.

Нет, — ответил я тихо.

— Не комсомолец! Не комсомолец! — перешагнул на сцену сидевшие рядом курсанты.

— Тогда освободите, пожалуйста, помещение, — сказал председатель. — Сейчас собрание закрытое, и присутствовать на нем могут только комсомольцы.

Еще как следует не понимая всего, что произошло, я поднялся и медленно пошел к выходу. Я чувствовал, что курсанты смотрят мне

вслед: собрание остановилось только из-за меня — все ждали, пока я выйду.

«Выгляди Выгляди!» — думал я, шаркая сапожками по гладкому полу. К лицу прилиwała кровь. Я покраснел от стыда. Было очень горько, обидно. Зачем я пришел сюда? Теперь все курсанты будут указывать на меня пальцем и шептать друг другу: «Этот тот, кого попросили уйти с закрытого комсомольского собрания». Самое обидное, они, верно, думают, что я нарочно подслушивать остался, а ведь я просто не расслышал, как председатель объявлял, что собрание закрылось... А этот Марушак тоже корень, ведь мог бы он просто шепнуть мне на ухо, чтобы я вышел, так нет: обидно мне перед всем собранием...

Только я выбежал на улицу, как увидел Полевого. Он быстро шел по тротуару, пустой рукав его рубашки болтался, лицо было немного расстроено.

— Началось собрание?

Я молча кивнул головой.

— Вот беда, полн-ты, а меня задержали в узком! — сказал, как бы извиняясь, Полевой и, подойдя, спросил:

— А ты куда? Пошли на собрание.

Лучше бы он этого не говорил! Я еще острее почувствовал всю обиду и, сдерживая подступившие слезы, только махнул рукой.

— Что с тобой, хлопец? А ну выкладывай. Да ничего, — ответил я тихо, глядя в сторону.

— Ничего, ничего, а все-таки?

Записався, я рассказал Полевою, как меня выгнали с комсомольского собрания. Полевой засмеялся и, хлопая меня по плечу сильной рукой, весело сказал:

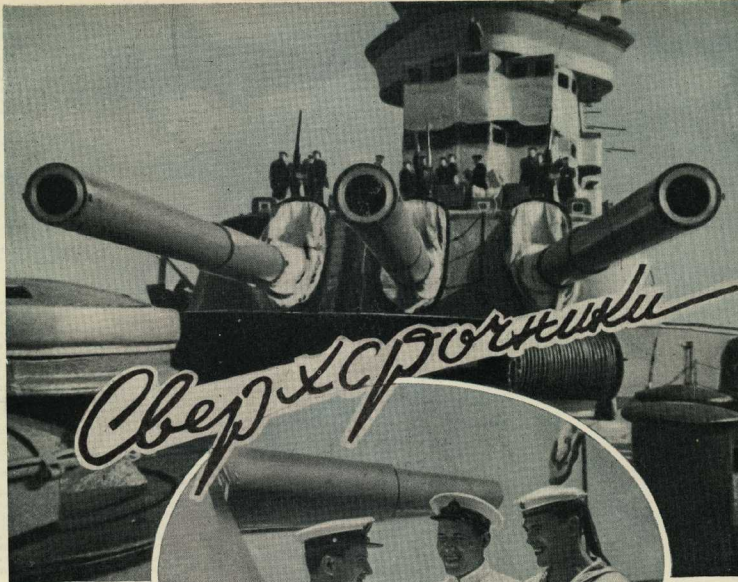
— Только-то и всего? А я-то думаю, может, несчастье какое, — и добавил серьезно:

— Ничего, Василь, не журись. Комсомольцем ты будешь — это факт, а когда будешь комсомольцем, сам хорошо поймешь, как нужны закрытые собрания, — и, подмигивая, заключил:

— Приходи-ка вечером в футбол играть. Мне сразу стало веселее, и я быстро пошел в город, мимо густых кустов желтой акации... Кусты росли вдоль дороги и были вровень с моей головой. Зелень была очень яркая, свежая, а акация земли хорошо пахла, а стелющиеся вязы на высоком эскарпе, как все еще отремонтированы поврежденные вешарным дождем гнетца.

— Что с тобой, хлопец? А ну выкладывай!

П. ЗАМЯТИН,

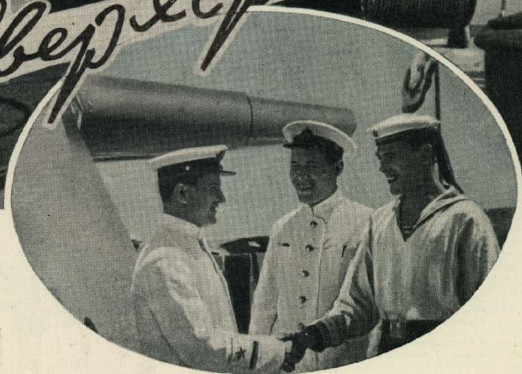
депутат
Верховного Совета СССР

Семнадцать лет назад по комсомольскому призыву пришла во флот советская молодежь. Многие из комсомольцев явились на суда сразу после V съезда РКСМ, на котором было принято шестое комсомольца на Рабоче-Крестьянским Военно-Морским Флотом. Многие впервые видели море, и старые, «сверхсрочные» корабли казались им непобедимыми гигантами. Эти корабли много послужили на своем веку. Некоторые из них помнили еще годы русско-японской войны.

Старшее поколение военных моряков ушло на фронты гражданской войны, в гущу великих дел революции. Молодым морякам-комсомольцам надо было заново обживать флот.

И флот, боевые корабли, море стали родиной дома для комсомольцев-моряков. Прошли годы учебы, истекли сроки службы, а уходить с кораблей не хотелось. Так родилось во флоте новое слово — «сверхсрочник».

С каждым годом растут и крепнут Балтийский и Черноморский флоты. Вырос новый мощный

флот на Севере. Боевые эскадры, на мачтах которых развеваются флаги Военно-Морского Флота СССР, охраняют дальневосточные рубежи нашей страны на Тихом океане.

Прошло полтора десятка лет с тех пор, как впервые сверхсрочники-комсомольцы остались на боевых вахтах. Многие изменилось за это время на наших морях. Теперь на командирском мостике линкора, в боевой рубке командующего эскадрой, на современных мощных военных судах часто можно встретить командиров — бывших сверхсрочников.

Из сверхсрочников вырастают основные кадры нашего флота. Сверхсрочники — младшие командиры — воспитывают из молодых краснофлотцев опытных моряков.

Вспоминаю свой приход в Черноморский флот. Моря я никогда не видел, все казалось новым,

необычайным. Быстро прошли месяцы учебы в школе подплыва, и вот я, наконец, на подводной лодке. Лодка оказалась такой же молодой. Она недавно была

Ленинор «Парисская коммуна». В овалы сверхсрочников комсомольского батальона Д. Черныш (слева) подполковник комсомольцев И. П. Скачуща и И. С. Мирошнина, оставшихся на сверхсрочную службу на 10 лет.

спущена на воду, и мой первый выход в море был первой пробой и для подводного судна. В море нас настиг шторм в восемь баллов. Почти вся команда оступилась приступы морской болезни. Я еле стоял у механизмов. Но я видел, как рядом со мной спокойно и уверенно работает младший командир, и мне не хотелось отставать от него.

И уже тогда, после первого похода, я понял, что лучше лекарство против морской болезни — крепкая воля. Так шторм стал моим первым учителем, а сверхсрочник, младший командир Шалов — вторым.

Сколько в этом человеке любви к морю! Как он знает свое судно! У него я учился сложному искусству подводного плавания. Сейчас младший командир Шалов получил звание воентехника первого ранга. Путь сверхсрочни-

ка Шалова очень типичен. Вот, например, мой друг Александр Бубнов. Плавали мы с ним вместе на одной подводной лодке. Затем Бубнов подал заявление на сверхсрочную. Сейчас он уже командир корабля.

Я тоже прошел через школу сверхсрочников. Меня, краснофлотца, выдвинули трудящиеся Симферопольского сельского округа своим депутатом в Верховный Совет СССР.

Сейчас я учусь в Военно-политической академии имени Дзюбана, а когда кончу академию, снова вернусь во флот.

На третьей сессии Верховного Совета Союза ССР мы, депутаты, слушали замечательный доклад товарища Молотова о международном положении и внешней политике СССР. Слова товарища Молотова: «Нельзя не признать и того, что СССР уже не тот, каким он был 5—10 лет тому назад, что силы СССР окрепли», — прозвучали на весь мир. С огромным энтузиазмом сессия утвердила соротмиллиардные ассигнования на укрепление оборонной мощи нашей родины.

На третьей сессии Верховного Совета СССР вместе с другими депутатами и голосовал за утверждение указа Президиума Верховного Совета СССР о сроках действительной службы в Рабоче-Крестьянском Военно-Морском Флоте. Этот указ отражает восторженные требования нашего бурно растущего Военно-Морского Флота.

Военнослужащие кораблей и частей флота будут служить пять лет; военнослужащие береговой обороны — четыре года. Оставление на сверхсрочную службу будет производиться на срок не менее трех лет.

Боевые качества моряка возрастают с каждым годом, проведенным им на море. Военно-морская служба преобразует человека. Разве можно узнать в боевом краснофлотце неуверенного юношу, впервые пришедшего на корабль четыре года назад? Вот только теперь и начинать по-настоящему работу, выжимая из боевых машин все, что они могут дать, а тут конец службе. Ну, разве не обидно? И вот сегодня, осенью, когда идут последние месяцы боевой морской жизни и приближается момент увольнения, у командиров скапливаются докладные. В этих докладных боины просят оставить их на сверхсрочную службу, разрешить остаться на боевых вахтах для того, чтобы передать свой опыт молодому поколению.

В ответ на указ Президиума Верховного Совета десятки и сотни краснофлотцев подали докладные, в которых просили оставить их во флоте на десять лет. Славные сверхсрочники говорят:

«Во флоте мы выросли, здесь, во флоте, будем защищать родину. В море мы дома».

Подали докладные и мои товарищи по славному Черноморскому флоту краснофлотцы линкора «Парижская коммуна» Савчук, Мирошник, Володаров. Мой старый знакомый старшина-подводник Игнатьев, выступая на митинге, сказал:

«Я десять лет прослужил на сверхсрочной, сегодня я подаю докладную с просьбой оставить меня еще на десять лет во флоте».

Молодые патриоты со всех концов страны пишут мне письма с просьбой помочь им поступить во флот.

Я узнал, что два краснофлотца, три года назад окончившие срок своей службы и вернувшиеся домой, сейчас подали докладные с просьбой вернуть их во флот. Вот имена этих замечательных патриотов: Александр Ларионов, рабочий Автозавода имени Сталина; Дмитрий Ковалдтень, рабочий завода «Динамо».

По настоянию Военно-Морского Флота и Центрального Комитета ВКП(б) трудящиеся нашей родины 24 июля будут праздновать первый День Военно-Морского Флота Союза ССР. В этот день во всех городах и селах советский народ будет отмечать успехи в строительстве Рабоче-Крестьянского Военно-Морского Флота и чествовать защитников морских рубежей нашей великой родины. Славные сверхсрочники флота — подлинныя герои этого дня.

Младший командир комсомолец В. Володаров подал докладную с просьбой оставить его на 10 лет во флоте. На снимке: В. Володаров на боевой вахте.

ВАРИТИКЕ

Из записок полярника

В середине апреля за обедом заговорили о начале охоты.

— Медведи выходят на берлог. Мясо на исходе. Надо о нем позаботиться.

Нас на Стергиново¹ всего пять человек. К сожалению, трое не могут принять участия в охоте. Науому нельзя отлучаться от станции, Николай должен следить за работой моторов и заряжать аккумуляторы, а молодой хозяйка Жени — еще новичок на Севере, ей трудно выдержать длительный путь до дачки.

Я решил идти с Румишцевым. Каждый из оставшихся взял на себя дополнительно нагрузку: Науом обещал вести метеостанку, а Котов и Жени взяли заменить Румишцева и меня.

Захватив палатку, винтики, продовольствие и корм для собак, мы ушли с одной упряжкой на восток.

В пути часто попадались верным отдушинам. Эти отдушины можно видеть в молодом или годовалом гладком льду. Я не раз замечал, что зимою нерпы пользуются этими. Она старательно оберегает ее и не дает замерзнуть. Чтобы зимой уберечь нерпу, надо внимательно осматривать гладкие ледяные впадины винтиков. Вот нерпа высунула нос и дышит. Резким взмахом гарпуна вы смертельно раните ее, и вам остается, расширив лунку, достать свежее мясо, очень ценное в условиях Арктики.

Часа через три стали попадаться медвежьи следы. Мы читали грузиную поговорку матушки.

Легкие семечки шаги медведов...

Собак с лаем и воями развезло по следу. Он был холодно: медведи уже давно ушли, я знал, что их не догнать, но собаки этого не понимали, стремились бежать вперед, и мы с трудом управляли нартами.

После утомительного перехода в тридцати пяти километрах от Стергинова я выбрал место для лагеря.

Устанавливая палатку, разостлал спальные мешки, расквитался на примусе чай, подкрепился, выпил по ложке спирту и извонился собак.

Отдохнув, решили, не теряя времени, с легкими нартами отправиться на выдвигшиеся валии острова.

Миня поставил собаку в упряжку, и она снова стремительно пошла: видно, зверь доносил запах медведя, бродящих где-то во льдах.

Далеко-далеко на небе показались темная полоска водного отблеска.

Полный! — вестло крикнул Румишцев.

В полях встала водная нерпа, а там, где есть нерпы, есть и медведи: истощенные долгой голодовкой, родая и кормящей своих птенов, матуки весной бродят около льда и охотятся.

Сидя в нартах, мы весело поясывали и

шутили. Собаки бежали бодро. Часа через два мы добились до небольшого островка и стали позаниматься по крутому берегу.

С вершины острова открылся весь горизонт. Солнце заходило. Далеко-далеко за грядой торосов ярко горел закат, бросая золотисто-красный отблеск на льды, снега и горы. В воздухе тихо. Простор, бесконечный простор, величавая ледная пустыня, освещенная последними лучами солнца.

Стоя около нарта, мы любовались закатом; собаки прыгали. Вдруг и случайно заметил, что у аюоака упряжки — Бандита — взерошилась шерсть.

«Собаки почуяли зверя», — хотел я сказать Румишцеву, но не успел: Бандит вразвугуд и рванул вперед.

Я свалился в нарты. Собаки понесли к обрыву.

Румишцев не растерялся: он побежал за нартами, догнал их, указавшись за перепадками, но поскользнулся и упал... Собаки волочили его по снегу.

Так мы долетели до самого края скалы. Бандит уже поспе на соросокорванным обрывом. К счастью, под полостью подскрился ослиный камень, и нам удалось затормозиться...

Что так могло заволновать собак? Стали осматривать окрестности и вскоре заметили, что в торосах шевелился матука и медвежонок.

Собаки снова стали нервничать. Я сел в нарты, взял в руки торос, спускался по крутому склону, с трудом одерзвая упряжку.

Когда нарты остановились, мы распригали Майну. Она винула воздух и понеслась.

— Сюды! — крикнул я — спускай! Бандита и Лису!

Миня спустил их. Подле нарта остались дико зывающиеся Харди, Нордик и Рыжий.

Собаки ошелели медведицу, хатали ее за шерсть. Теперь Харди, Нордик и Рыжий ее удержат. Мы сели в нарты, и три собаки поначалу нас во весь дух.

С нераспрямленными собаками близко подходить к скалке с медведем опасно. Поэтому я еще на ходу спустил собак.

Шерсть летела клоками. Медведица рвела от злобы, медвежонок — от страха.

Собаки обезумели, и я боялся, как бы одна из них не попала в лапы разъяренного зверя.

Стрелять мы долго не решались: можно убить или ранить собак.

Но вот медведица встала на дыбы, готовясь ринуться на Харди. Я выстрелил и уложил ее.

— Медвежонку твоей, стреляй! — сказала я Румишцеву.

Он прицелился.

— Стреляй в лопатку. В голову ранить — убьет.

Что ты, Константин Михайлович, я и в голову уложу.

В этот же момент раздался выстрел. Пуля разорвала медвежью уху, и он с диким ревом бросился на собаку, рывком из стремглав прокатил мимо нас и скрылся в торосах.

На один шаг опенелили и лыжи и собаки. Только Бандит, понизившая, катаясь по снегу; видно, затрещина медвежонка пришлась ему не по вкусу.

Собаки с воем и визгом бросились по следу. Вслед за ними, злобно рыча и припадая на одну лапу, ковылял Бандит.

Медвежонок то нырял за торосами, то вылезал, но был уже очень далеко; вскоре мы потеряли его и перешли на лыжи. Мы были один около убитой медведицы. Я молчал, молчал и Румишцев.

Наше положение было не из приятных. Мы далеко забродили, дур северный ветер, каждую минуту могла подняться пурга.

Прошло полчаса. Собаки не возвращались. Разделав медведя, мы извлекли мясо шкуркой. Рядом стояли поставили пургу, чтобы их не замесло, если начнется пурга, и привязали к ним красный флаг: медведь ее любит, красно и далеко обходит его.

Отдохнув минут пять, мы тронулись на путь. Миня шел распрямленным, замученный. На его лице можно было прочесть:

«Дурак и! И зачем я стрелял в голову? Теперь нам придется из-за выстрела, из-за одного неосторожного выстрела тащиться пешком через весь остров».

Мы шли несколько часов. Силы постепенно ослабли, и мы часто присаживались отдыхать.

Ветер усиливался. Наступила тьма, вернее сумерки.

Проходя мимо большой гряды торосов, Румишцев вдруг толкнул меня в бок и сказал шепотом:

— Константин Михайлович, глянь-ка, а ведь это медведица, что ты?

Глянув в направлении, куда указывал Румишцев, я действительно вздрогнул: шагах в двадцати под торосом лежала огромная медведица с двумя медвежатами.

Медведица фыркала и приталась.

Мы осматривали винтики: стали были забыты временем.

Во время зимовки в 1925 году на мысе Марсе Сале при варке каменной чаши винтиско моему товарищу вышло глаз. Варя пропала еще из-за непростительной халатности: ставь будильник сном, а товарищ не обратил на это внимания. С того времени мы никогда не за

бывали перед выстрелом проверять, чистый ли ствол у винтики.

Благоустройство подослаивало, что лучше разойтись, по возможности, мирно. Это был первый случай в моей жизни, когда я ушел от зверя.

Медведица нас не преследовала. Очевидно, она была довольна тем, что мы ее не потревожили.

Наругая последние силы, шатаясь и поддерживая друг друга, мы лишь на другой день добрылись до шалаша. Здесь вычистили винтики, аквитали чай, подкрепились консервами и легли спать.

Десятичасовой сон вернул силы, и, хотя усталый мороз, мы чувствовали себя неплохо.

Собаки все еще не вернулись. Где они? Что с ними?

Позавтракав, мы уложились, что Румишцев отпрянул на северосторок, а я — на югозапад, но направленно к Стергинову.

На другой день я пришел в Стергинов. Собак не было.

Мой рассказ встревожил товарищей. Решив немедленно отправиться на встречу Румишцеву и в поисках за собаками. По пути к дому я, невольно заходя на льду, уныл и уныл колено; оно распухло и разболело. Котов уговорил меня остаться дома, и сам пошел развешивать Румишцеву.

Поползли тонительные часы ожидания. Долго я не мог уснуть, но, наконец, забылся. Меня разбудила лай собак, голоса, смех...

ПРОЩАЛЬНЫЙ
ВЕЧЕР

Мать и сын

СЫН. Я ужогу, ты остаешься, мать. Ты видишь, серые сына радио. Не надо понапрасну тосковать. И слез горячих лить не надо.

Я выполняю долг священник свой, Слова присяги повторяю. Нас мнением. Железною стеной Мы стоим вокруг родного края.

Когда рассвет блеснет среди полей, Мы с песней двинемся в дорогу. Пускай в разлуке жар любви твоей Сожжет мимолетную тревогу.

МАТЬ. Иди, мой сын, здоровые береги, Иди, Тургуи, я не горюю. Пускай запомнит в грозный час враги Твою винтовку боевую.

Пусть даже горы встанут пред тобой — Будет смел как воин настоящий! Иди, мой сын, дорогой прямой, Паша мне, мальчик мой, почаще.

Где б ни был ты, с тобою будет мать. У тебя в последний раз целую. Учись по-порозовому стрелять И охранять страну родную.

На станции с любимию

Перед яркой лампой отступила мгла. Звезда улыбалась тучкой малой... Девушка любимая пришла И слеза, как дитя, роняла.

И были слезы жемчуга крупней, А голос полон нежной силой: — Ты командиром приезжай скорей. Я буду ждать тебя, мой милый.

И девушка осталась позад, На станции далекой, на перроне, А сердце билось у меня в груди, И я прижал к нему ладони.

Моя любовь спокойна, как волна Мерцающего Зершавина. Галя прикиря, я верю, что она Со мною будет постоянно.

Листва на свет бежит, всполошена, И ночь достигла половины. Я вижу из оконого окна Мои привольные долины.

В моем счастливом сердце торжество. На озаренных перронах, Как музыка для сердца моего, Бессонный стук колес: Бессонный стук колес: Бессонный стук колес.

Я навсегда запомнил цель свою, Она пылает пред глазами. Рука моя не задрожит в бою, И будет враг раздавлен нами.

С туркменского перевода

А. ТАРКОВСКИЙ

В комнату взглянула улыбающийся Румицев. Оказывается, он встретился с Котовым на пути между Стерлигами и лагерем. Собака была найдена, а мясо доставлено на зимовку!

Когда мясо убрали в бочку, все собрались в кают-компанию, и Румицев рассказало о том, как он нашел собак.

«Когда я покрощался с Константином Михайловичем около палатки, — рассказав Румицев, — случайно мне стало. Далеко ведь от дома, да и место незнакомое. По звездам и по солнышку и ходить умею, а вот компас плохо понимаю, хотя и сказал начальнику, что разобрался...»

Иду я и думаю: «Только бы не случился туман или тумар».

Вдруг из-под моих ног — широк что-то белое! Смотрю: песец; отбежал шагов на пять-шесть и сидит. Встал я винтовку, трах в него, но, видно, осердил крепко — не попал. Песец залаял и наутек. И только он скрылся, слышу: далеко-далеко воет кто-то. Думаю: «Или волк или собака». Подхожу ближе.

Что за чорт! Волк навстречу! Серый, и во рту что-то тащит. Скинул я винтовку, пригнулся за камушком, приготовился стрелять, а волк бежит, огромное что-то тащит, больше своей головы. Нет-нет приостановится, покрутит и опять бежит. Вот уже совсем близко, близко... Идет-идет, поворачивается, покрутит и опять бежит. Вот уже совсем близко, близко... Идет-идет, поворачивается, покрутит и опять бежит. Вот уже совсем близко, близко... Идет-идет, поворачивается, покрутит и опять бежит.

Пригнулся я: да ведь это Харди! Вот так трусишка! Бежит, хвост поджал, шерсть взерохла. Остановился, кусок мяса положил на снег, уши навстрит, тявкает несколько раз, поворот, вперед, опять мясо возьмет — и дальше...

Обрадовался я. Когда он поровнялся, я и кричу: «Здорово, Харди!» Харди даже присел от страха. Мясо кинул, а сам как парализован в сторону, как завалил! Потом уставился на меня своими глупыми глазами. Воет от радости, на брюхе ползает, а подойти не смеет, точно гадает: я или нет?

А уж мне-то радость — и сказать трудно. Как-никак, а все живая душа рядом. А то от тишины большой мне не по себе. Все кажется, что из-за льдины какая-нибудь зверюга выскочит... Мамонтов я боюсь. А вдруг они мне водятся здесь?

Еще все невольно расхохотался. Миша продолжал:

«Ну, ведь я Харди на мутуок (я веревочку у меня была в запасе) и хотел было идти с ним дальше. Только нет, упрямится Харди.

Что за лая? Он со мной всегда охотно ходит.

«Чего ты, говорю, дуришь, не идешь?» Лает Харди и упирается, рычит даже, шерсть взерохла. Ну, что ты скажешь, там же прилоху! Почему собака не идет? Однако решил посмотреть, что его так назад тянет. Вернулся. Смотрю, братцы: мясо хардино забыли! Встал от мяса, и мы пошли. Оказывается, он с кором путешествует. И так сыт, как бочка, отъелся, а тут вот запас тащит. Встал я мясо, обвязал веревочкой и привязал к поясу. Сначала Харди недоверчиво смотрел на меня, болсая, что я сому его мясо. Потом успокоился, и даже шерсть улеглась.

Ну, прошли мы еще километра три. Смотрю: Харди остановился и глядит адаль. Посмотрел и я в том направлении и вижу: кетится два клубочка. «Эй, душка», еще два приятеля! Нетрудно было догадаться, что это Нордик и Рыжик, два неразлучных друга.

У самого острова нашел Майну и Бандитка по куску мяса около каждой. Забрал я их. Еще несколько километра прошли. К месту подходим, где медведь убитый, смотрю: медведь не тронут, а на шкурке Лизка сидит. Когда мы приближились, она со сна, дурилась, не разобрала, да как кинется с передуру от нас бежать. Я, конечно, кричу: «Лизка! Лизка!» Куда там, лизин след простыл. Ну, тут, видно, не стерпели Рыжик и Нордик, кинулись ей вдогонку, догнали, постыли, поволались, поштанцали о чем-то, на меня и на Харди посмотрели. Глазю: Лизка впереди всех бежит ко мне, хвостом вылетет. Видно, сказала ей Нордик и Рыжик: «Свой, чего бежать, дура?»

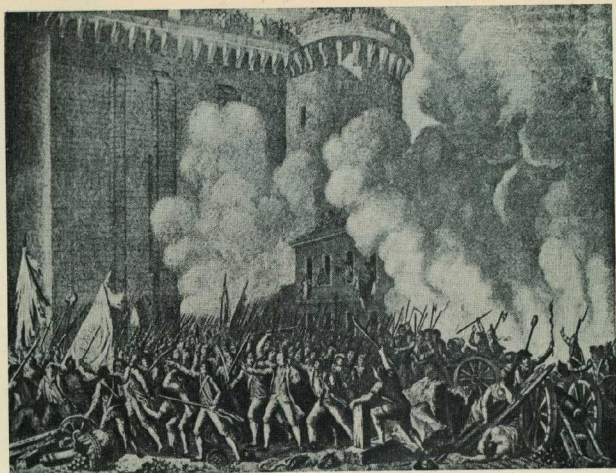
Тут я зарпал их всех в нарты, уложил медведя и потюкнуку, песенку напевая, пошел домой. Да вот на полпути Коля встретил, спасибо... Ах да, самое важное я и забыл рассказать: медвежонка-то собак догнали и разорвали. А Харди голову медвежонка тащил.

Мы все невольно посмотрели на присутствующего при этом разговоре Харди. А Харди, точно понимаю, что он герой дня, не преминул сунуть свою лапью морду в ведро с отбросами, за что Жезя немедленно выгнала его на улицу.

Фото Д. Дебаова

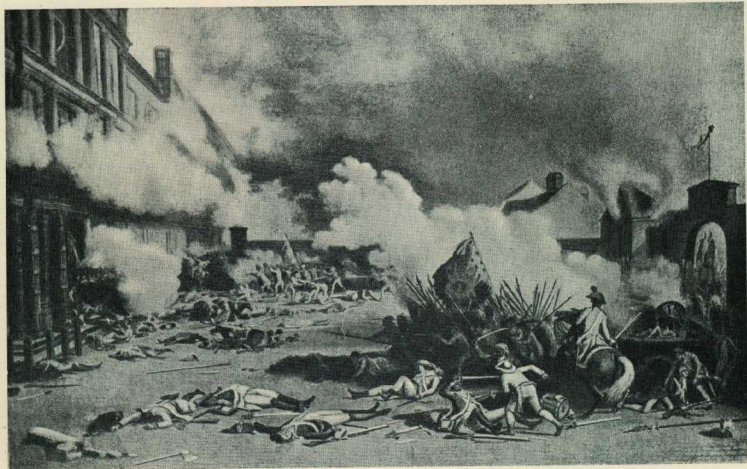

Упряжка лаек на острове Диксон.

Эпизоды героической борьбы французского народа вложившая многих художников—современников революции 1789 года. Скульптор Пьеро и Берто вынули в 1793—1794 году большой альбом, отображающий важнейшие революционные события. Сюжет воспроизведен гравюрой Берто по рисунку Пьера «Зятие Бастилии». Народ ведет арестантов ко двору крепости.

Внизу—репродукция с картины Дюпюсса «Ванте Тюльерского двора» народом 10 августа 1792 года. Картина была выставлена в Парижском салоне в 1793 году.

ВЗВЯТИЕ БАСТИЛИИ

«Свершилась величайшая на революций, память о коих мы сохранили историю», — писал своему правительству в докладе о визите народом тюрьмы-креости Бастилии английской посланкой в Париж леди Дорсет.

«Революция во Франции свершилась, королевская власть уничтожена», — доносил в Петербург русский посол во Франции Симонин, спустя на три года вперед сообщением о свержении монархии.

Прокат гудок по стенам Бастилии прокатился по улицам гулом по всему миру. Даже в столице самодержавия Петербурге французский посол Сенар наблюдал необычайные сцены. «При дворе полученное известие (о событиях 14 июля 1789 г. в Париже) вызвало сильнейшее возмущение и несоборное мелочество, зато совсем иным было впечатление в городе. Хотя Бастилия не угрожала никому из обитателей Санкт-Петербурга, трудно вообразить себе, какой энтузиазм и первый бурный толчок свободы вызвало падение этой государственной тюрьмы среди негодягов, куликов, горожан и даже чисте дворянской молодежи. Французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы, встречаясь на улице, обнимались и поздравляли друг друга, как будто бы их освободили от тяжких оков».

Почему же падение Бастилии воспринимало демократические слои всей Европы?

Почему народные массы Франции в 150 лет торжественно отмечают в этот год и всемирно этого события?

Торем во Франции было немало, но Бастилия была совсем особенной тюрьмой. В Бастилию сажила без суда и следствия, на основании королевских приказов, впадавших в неминуемые министран, камеретам, фаворитам короля, нередко даже без указания имени лица, обреченного на пожизненное заключение. В Бастилию угрожал, кто не соглашался подчиняться диктату абсолютизма, посылать на призывы дворянства и церкви, кто боролся за раскрепощение личности от бремени отсталого феодального общества, выдающихся философов, писателей, журналистов пребывало в стенах этой тюрьмы. Вольтер был дважды уником Бастилии. Один ученый, сделавший изобретение для французского флота, был посажен в Бастилию только потому, что кто-то из сановников опасался, как бы он не продал это изобретение заграницу. Промышленный дворянин Латаш продал в Бастилии 35 лет, так как имел несчастье навесить на себя неминуемые маркиза Помпадур, великой фаворитки Людовика XV.

В Бастилию заключали не только людей, но и книги. Одно время там «сохранялся вод арестом знаменитая французская «Энциклопедия», детище великих философов-материалистов XVIII века. Не даром выжили историю Франции, увидевшие в этом месте Мише назвал Бастилию «второй миссой».

В глазах народа Бастилия стала олицетворением невинного феодального режима, ставшем искином и преступком. 14 июля 1789 года в Париже вспыхнуло вооруженное восстание, первый удар обрушился на этот зловещий оплот деспотизма.

* * *

Во второй половине XVIII столетия народное волнение, особенно же голодные бунты в деревнях и французских провинциях, были частым явлением. Обнищавшее крестьянство изматывало под тройным бременем феодальных поборов, повинностей и налогов, которые оно должно было уплачивать в королевскую казну, помещикам и феодально-помещику, и попу. Доведенные до отчаяния угнетенные массы феодальной реакции, крестьяне поднимались целыми деревнями и шли даже дворянские замки и усадьбы.

В городах, куда устремлялись крестьяне в поисках заработка, их ждала безработица, голод, нужда. Из страха перед революционным

взрывом правительство пыталось ослабить бедность, организовать общественные работы для безработных. К 1789 году в Париже было занято на земляных работах свыше 10 тысяч человек. Но касое это могло иметь значение, когда по дорогам Франции бродили сотни тысяч бездомных, нищих людей? К тому же государственная казна, опустошенная неудачными войнами, хроническим хроническим министраном и расточительностью двора, иссякла. Запутались в неразрешимых финансовых затруднениях, правительство было вынуждено прибегнуть к сослазу нового представителя дворянства — Генеральных штатов.

Генеральные штаты собрались 5 мая 1789 года в Версале — резиденции короля, — в 20 милях от Парижа. Привилегированные сословия — дворянство и духовенство — хотели диктовать свою волю представителям третьего сословия — буржуазии. Но депутаты буржуазии, в то время представители молодого прогрессивного класса, чувствовали свою силу и оказали защитникам одряхлевшего режима решительный отпор.

17 июня депутаты третьего сословия обновили себя Национальным собранием, представляющим всю французскую нацию, и предложили другим сословиям присоединиться к ним для совместной работы. Двор забыл тревогу, и по королевскому повелению зал заседаний третьего сословия был занесен на замок. Тогда депутаты собрались 20 июня в Манеже для игры в мяч и присягнули в том, что не разойдутся, пока не выработают для Франции конституцию.

На этот вызов буржуазия двор ответил королевскими заседаниями 23 июня, в котором король отменил постановление третьего сословия об образовании Национального собрания и приказал каждому сословию собраться отдельно. В случае неповиновения он угрожал роспуском Генеральных штатов.

Дворянство и духовенство повиновались. Но когда церемониймейстер явился к депутатам третьего сословия и именем короля приказал очистить зал, Марбо, этот крупнейший из идеологов и ораторов либеральной буржуазии, громким голосом ответил ему: «Передайте в моему государю, что мы собрались здесь по воле нации и разойдемся, лишь уступая силе штыков».

Эти громкие слова были не только словами: Национальное собрание чувствовало за своей спиной мощную поддержку полунации.

Дворянство и духовенство повиновались. Но когда церемониймейстер явился к депутатам третьего сословия и именем короля приказал очистить зал, Марбо, этот крупнейший из идеологов и ораторов либеральной буржуазии, громким голосом ответил ему: «Передайте в моему государю, что мы собрались здесь по воле нации и разойдемся, лишь уступая силе штыков».

Эти громкие слова были не только словами: Национальное собрание чувствовало за своей спиной мощную поддержку полунации.

онного населения Парижа. Тем, кто выступил против третьего сословия, приходилось опасаться ярости народа. Решительная позиция представителей буржуазии подталкивала: через несколько дней депутаты беднейшего городского духовенства и члены депутата и привилегия присоединились к третьему сословию. Между тем двор еще не решился прибегнуть к силе штыков. Апатичный и слабохарактерный Людовик XVII, узнав о неповиновении третьего сословия, воскликнул: «А, что с вами, пусть заседают!» Но дворянша камрлярша во главе с королевой Марией-Антуанеттой приковали к месту депутатов, назначавшему на 16 июля. К столице стягивались наемные иностранные войска. Было решено вызвать революцию в зародке, расправившись с мятежками Парижа вооруженной силой, разогнать Национальное собрание, арестовать наиболее радикальных депутатов, а некоторых из них (списки уже были составлены) приковать или заключить в Бастилию.

12 июля в Париже стало известно об отставке Неккера и других популярных министран, сторонников Национального собрания, о назначении министерства дворянской клики. Это неслучайно воспринято как первый шаг к разгону Национального собрания. Огромная толпа бросилась закрывать театры в знак траура и устроила грандиозную демонстрацию, которая прошла в сопровождении солдат парижан Парижа. На площади Людовика XVI на демонстрантов пала отряд гусар королевского немецкого полка. Начался лихорадочный расприх над буржуазной толпой. Услышав, что народ и многой массы своих сверских людей.

Тогда поднялись предместья. Раздался призыв к оружию. Париж вышел на улицу в полном лихорадочном возбуждении. Оружейные лавки были разграблены. Народ метался в поисках пороха и вооружения. В течение суток кузнецам выковали 50 тысяч пистолетов.

В ночь на 13 июля в различных районах Парижа раздались выстрелы. Оружейные лавки были разграблены. Народ метался в поисках пороха и вооружения. В течение суток кузнецам выковали 50 тысяч пистолетов.

Тривога и возбуждение масс все возрастали. Жители предместий готовились к обороне, взламывали мостовые и строили баррикады.

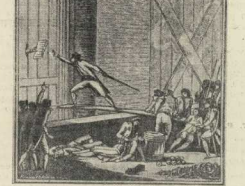
Буржуазия с трепетной ослезами за тем, как вооружается народ, и в свою очередь тоже спешила вооружиться. 13 июля в Париже началось формирование буржуазной милиции (Национальный гарнизон), которая сыграла крупную роль в развитии и победе революции — и в подавлении революции.

14 июля Париж перешел от обороны к наступлению.

* * *

Слухи о подготовке двором контрреволюционного переворота, известия о концентрации между Парижем и Версалем 35 тысяч верных монархии солдат за тем, как нагнетались в ночь на 14 июля недержавные войска в районе Елисейских полей вызвали страшное возбуждение среди парижских масс. Ранним утром в городскую ратушу, к кулуарскому старшине Флесселю, отправилась делегация с требованием снарядить население порохом и оружием. Флессель, стараясь выиграть время и удержать связь с двором, отказывался входить в контакт с делегацией.

Тогда толпа направилась к арсеналу Дома инвалидов, овладела им без единого выстрела, расквартала хранилища там 28 тысяч ружей, большею частью испорченных, и увезла три пушки. Теперь вооруженный парижский народ сумеет за себя востоять.

Подпись Майера на подьемном мосту. (По современной гравюре)

В отчете о событиях 14 июля, напечатанном в газете «Парижские революции», наиболее радикально демократическом органе печати того времени («до появления «Друга народа» Маркса), особенно выделяется роль артиллерийских и мелких ремесленников Сент-Антуанского предместья. Вполне вероятно, что сентантуанцы и направляли революционную энергию масс против Бастилии — этой тюрьмы-крепости, возмывавшейся мрачной громадой на окраине города.

Бастилия, построенная в XIV веке, входила в систему крепостных укреплений Парижа. Но и через 400 лет она могла считаться неприступной крепостью. Ее стены были неуязвимы для ружейного огня. Подступы к ней были защищены широким и глубоким рвом. Кроме своих орудий, установленных на восьми других старорокафрутовых башнях, гарнизон Бастилии мог держать под обстрелом всю прилегающую местность.

Утром 14 июля к воротам Бастилии пошла делегация и потребовала убраться с башен пушки, направленные жерлами на предместье. Командант Делонз любезно принял делегатов, даже устроил их завтрак, но требование народа не выполняли. Когда через некоторое время явилась новая делегация, ее ждал совсем иной прием. Делонз успел спастись с городской ратушей и получить от Флессаса совет держаться до последнего. Крепость так как на вырву Бастилия будет послана войска.

Вторая делегация требовала сдачи крепости и разрушения гарнизона. Командант вступил ее в первый так называемый командантский двор и приказал поднять мост, чтобы помещать толпу проникнуть вместе с делегатами в крепость. Вслед за мостом раздалось несколько ружейных залпов. Рассред делегация была сигналом к штурму крепости. Несколько смеячиков под яростным ружейным огнем взобрались на крышу прилегающего к подземному мосту здания, перебрали цепи и открыли мост. Толпа, неся большие потери от огня защитников Бастилии, ворвалась в командантский двор.

Между тем вестю о предательском расстреле делегатов разнеслось по всему Парижу, и новые вооруженные толпы отоспешивали к Бастилии. Солдаты многих частей, врывавшиеся из своих казарм, большей частью охваченные иностранными королевскими войсками, спешивали присоединиться к народу. Большой отряд французской гвардии, той самой гвардии, которая в конце апреля еще расстреливала рабочих и население Сент-Антуанского предместья, громивших дом фабриканта Ревельяна, теперь пришла сражаться рука об руку с восставшим народом. Приход гвардейцев с артиллерией подлил дух осаждающим и ускорила исход дела.

Канониры направляли огонь на подземный мост, ведущий во внутренний двор крепости.

Под названием части своего гарнизона командант вырыл белым флагом по народ не прекратил атаки, боясь новой ловушки. Кто-то из защитников крепости просунул в щель между старыми воротами подземный мосту запереть; кому-то достать ее, нужно было переобрести доску на край моста. Доску приносят, какой-то смельчак устремляется вперед, но свисает с края старыми воротами. Марлер, один из вожаков парижских масс, достает заперку и передает ее командиру гвардейцев, сержанту Эли. «У нас 20 тысяч фунтов пороха», — пишет Делонз, — и мы взорвем крепость и все предместье, если вы не примете условия. Но огонь с обеих сторон не прекращается. Одна из цепей подземного моста уже перебита; осаждающие видят, что их дело проиграно, и отступают назад. Народ врывается в крепость, разоружает ее защитников и освобождает заключенных.

Командант Бастилии бросился с зажженным фитилем в пороховой погреб, чтобы взорвать крепость, но ему помешали его же солдаты. Делонз, как и его близкий помощник, за свое предательство поплатился головой.

Когда народ узнал о взятии Бастилии, он восклицал: — Да ведь это настоящий бунт! — Нет, ваше величество, — отвечал герцог Ларрошфуко де Ливанкур, — это не бунт, а революция.

* * *

И Переход войск на сторону народа сделал 14 июля днем победоносного начала революции.

Победивший народ тотчас принялся разрушать ненавистную ему Бастилию. Как только небольшая пощада была очищена от развалин, над ней было протянут огромный плакат с надписью: «Свобода или смерть».

Падение Бастилии послужило сигналом к целому ряду восстаний во всех концах Франции. По всей стране замыслили феодальные дворянские усадьбы, и при первом зареве пожаров началось выжирывание феодальной и грандиозная расчистка почвы для нового общественного строя — капитализма. Это началось задолго перед тем, как в силу положено начало мощному подъему революционного движения масс, которые после ряда ожесточенных схваток с абсолютизмом надели королевские власти смертельным ударом в августе 1789 года. Парламентский дворик, взяв приступом Тюильрийский дворец и заставив Законодательное собрание изложить короня. И когда вскоре молодая республика оказалась в колее грозных опасностей, народные низы проявили подлинную чуждость революционной энергии. Это они раздали охапки контрреволюционных восстаний, это они разрушили предательские замыслы монархистов, помогавших вторжению во Францию иностранных войск, это они, голодные, полуодетые, отбросили от границ Франции интервентов, обратили в бегство отборные армии

монархической Европы и понесли далеко за пределы Франции революционные идеи.

Но французская буржуазно-демократическая революция не могла осуществить чинный изречения масс. Победив своей кровью феодальное господство для буржуазии. Социальные идеалы феодальных князей, как и великая идея коммунизма, являющаяся Вавелья и его сторонников («Богородицы вавелья»), не могли восстановить восторженно, когда материальная база была готова лишь для развития капитализма.

Французская буржуазная революция только заменила одну форму эксплуатации — феодальную — другой формой, эксплуатационно-капиталистической. И после революции остался эксплуатация человека человеком, остался политическое бесправие, нищета и нужда трудящихся масс. Но французская революция все же дала человечеству много вперед.

Французская революция погибла под ударами обманливой европейской реакции.

Но французская революция, как писал Ленин, тем не менее, победила. «Победила, потому что она и вавелья привнесла такие устои буржуазной демократии, буржуазной свободы, которые были уже неустрашимыми».

Французская революция недаром называется Великой.

«Для своего класса», — говорит Ленин в той же статье, — для которого она работала для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Февральской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, делалывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не знали, и не знали, выразив словами о свободе, равенстве и братстве».

Современные фашистские «историки» пытаются очернить и признать революцию 1789 года, основоположнику ненавистный им демократический режим Бастилии. Они пытаются представить держат обманутые ими массы под таким гнетом, перед которыми бледнеют все насилие феодального режима. В самом деле, что гнетом революционной Бастилии? У нас демократические тюрьмы и застенки Гестапо? Много ли значит «арест» французской «Энциклопедии» Людовиком XV (к тому же вскоре амнистированной под давлением общего народа) рядом с массовым сожжением книг фашистскими варварами? Но народные массы и в фашистских странах чтут традиции революционеров 1789—1794 гг. Они знают, что дело прогресса и демократии не умрет, оно существует великой Франции, но оно существует в великой Советский Союз, родина нового человечества. Под знаменами народного фронта они пойдут на штурм фашистских бастилий и сотрут их с лица земли.

Ленин. Сов. Т. XXIV, стр. 304.

ДЕНИ ДИДРО

(155 лет со дня смерти)

представитель той группы был Дени Дидро (1713 — 1784).

Дидро был глубоким мыслителем, писателем с гибким, разносторонним дарованием, талантливым и предпринимательским организатором. Он создал ряд замечательных философских и художественных произведений.

В философии Дидро был атеистом и материалистом. Основой всего существующего он признавал материю. Способность ощущения по мнению Дидро, так же свойственная материи, как и способность движения, непроницаема и т. п.

Новатором, смелым пролагателем новых путей был Дидро и в области художественной литературы.

Величайшим делом Дидро было издание знаменитой «Энциклопедии». Французская «Энциклопедия» составила 21 том и вышла в

течение 20 лет. К работе над ней были привлечены лучшие французские писатели, ученые, философы: Даламбер, Вольтер, Руссо, Монтескье, Гольбах, Кондорсе — будущий деятель революции — и другие. «Энциклопедия была сложкой научных и практических знаний», — говорил об «Энциклопедии» один современник, — от способа делать будущее да способ ли и извонить прошлое. В «Энциклопедии» нашли свое отражение политические и философские взгляды самых передовых людей того времени.

«Энциклопедия» подвергалась яростным преследованиям. Несколько раз ее запрещали издавать, но Дидро довел ее издание до конца несмотря ни на какие трудности. В «Энциклопедии» нашли огромный успех; уже в 1756 году она насчитывала 4 тысячи подпис-

чек. Для той эпохи это была внушительная цифра.

Имя «Энциклопедия» не было Дидро материальной обеспеченности. Он решил продать свою библиотеку, чтобы поправить денежные дела. Русские послы при Екатерине II, желавшая приобрести европейнейшей наук и искусства», купила у Дидро библиотеку и обеспечила Дидро постоянное пользование. Дидро поехал в Россию, где пробыл около года (1773—1774). Он безуспешно пытался обрести поддержку в правительстве, но так как не было царствования украинские крестьяне были превращены в крепостных.

Последние годы жизни Дидро прошли уединенно. Он скончался 31 июля 1784 года. С. К.

СМОТР ВЕЛИКИХ ПОБЕД

На снимках (сверху вниз): Главный павильон Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (Москва); в орнаменте Павильона Грузинской ССР; Сирена; скульптура колхозницы у здания Угандской выставки; Вилла; строительство Панельно-мемориала.

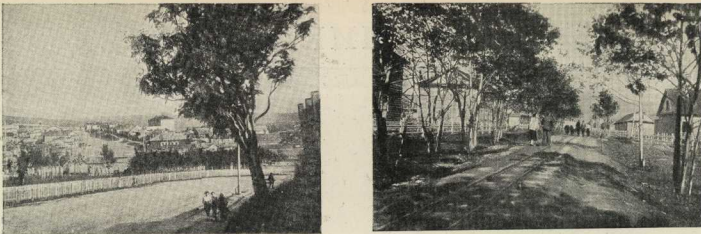
1 августа в селе Пушкинском, близ Москвы, открывается Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Помимо на территории выставки, посетители увидят колхозное изобилие всех одиннадцати республик Советского Союза.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка не только продемонстрирует богатства нашей, социалистической действительности, она является и школой стахановского мастерства, в которой можно будет научиться секреты высочайших колхозных урожаев, рекордных угодьев.

Тысячи и тысячи колхозов и совхозов соревнуются между собой за право участвовать в выставке. Соревновались, чтобы продемонстрировать свои успехи, свою зажиточную и культурную жизнь, завоеванную ими под руководством большевистской партии, под водительством великого Сталина.

До открытия выставки остались считанные дни. На огромной территории в селе Пушкинском идет завершающий цикл работ...

Александровск на Сахалине.

Сахаалин рудник «Меах».

ИЛЬЯ ШУЛЬГИН

ШКОЛА НА САХАЛИНЕ

(Записки учителя)

...Июль 1934 года. Мы, четверокурсники, заканчиваем дилемму. В этот последний месяц учебы мы делаем особенно дружно. Тесной стайкой ходим по паркам Москвы, кино, музеям, театрам, проводим выходные дни на пляже. Мы спорим, спорим...

Тема споров одна и та же: где работать? Я перелистаю географию СССР в настоящих поисках такого места, где было бы наиболее интересно. Мой выбор пал на Дальне-восточный край, остров Сахалин...

...Через месяц я сижу в кабинете зауча сахалинской школы рудника Арково.
— Главное теперь для вас... говорил мне заучу школы... — не теряться. Выработайте в себе, так сказать, иммунитет спокойствия и выдержки. Не огорчайтесь: вас ожидают не лавры, а пока что один штык...

Познакомив меня с предострой работой, заучу решил показать мне рудник. Арково раскинулось километра на два по берегам вороньей горной речушки Аркав. Высоко в небо упирается хребты сопки, скрывающих в своих недрах несметные залежи угля. Сопки упираются от бурного Татарского пролива до знаменитого на Сахалине Камышового хребта. В продолговатой складке этих сопки спрятан рудник.

По середине рудника протянулся легкой гладкое шоссе. По обе стороны шоссе выстроились в ряд огромные бараки, уютные коттеджи стальных и двухэтажные дома. Руднику и поселку шел яркий свет. От свежих слободх брели тавто приятно смелыми ароматом.

По улицам поселка бегали ребятишки. Завидев нас, они кричат хором:
— Здравствуйте, Василий Константинович! (Так зовут зауча школы.)

Ребятишки плутовато перегадываются и перешептываются, поглядывая на меня.

— Ребята! — сказала торжественно заучу, войдя со мной в шестой класс. — Вот новый учитель русского языка. Зовут его Илья Давылович. Пропу, так сказать, любить и жаловать.

Завуч вышел. Меня рассматривала тридцать пар ребячьих глаз, добрых и в то же время колких. Ничто не ускользало от них: ни мои незлые жесты, ни моя путаная речь. Я по-мальчишески краснея, сбиваясь, досадуя на себя и окончательно теряя нить мысли...

Какой-то шустрый компаный мальчишка вдруг спросил меня:
— Вы откуда приехали?
— Другой паренек спросил, где я учился и на чем приехал на Сахалин.
В классе стало шумно, и мне незвольно пришлось повысить голос:

— Вот что, ребята, я расскажу о Москве, где я учился, но только после урока.
— Расскажите, сейчас расскажем! — закричало несколько девочек.

Я совсем растерялся:
— Ребята, давайте писать!
Я нырнул на доску список учебников. Книжки полонились у меня неровные, строчки кривые. Это вызвало в классе новый иронический смехок и злобное шушуканье.

Когда прогмел звонок, учителя, не дожидаясь моего разрешения, вскочили с парт и в беспорядке бросились из класса. Я вышел последним...

Приехал в Арково, я сказал:
— Вот теперь-то, наконец, я у цели!

Правда, я не темил себя иллюзиями и догадывался, что на моем пути встретятся острые подводные камни. Но зато я был полон энергии и радужных планов. После первых же дней работы в школе я основательно волюболюб педагогикой. Сколько бессонных ночей провел я над составлением только одних учебных планов! Я никак не мог уловить в один урок наменную тему. Мой урок, если изобразить его на плоскости, походил не на мастерицы рисунок, а на злую карикатуру.

А потом мне стало стыдно до слез за свое малодушие. В эти трудные минуты я вспоминал свои школьные годы в деревне и любимую учительницу Елизавету Павловну. Это были годы разлуки, голода и кулацких выжогей. Вместе с учителями мы, крестьянские ребятишки, приносили в школу на занятия то пухляк керосина, то полешке дров. Отопление, освещение и уборка школы целиком ложилась на плечи учителей, а мы же пиломосе. За неимением бумаги мы писали на старых газетах и церковных книгах. Чернила делали из кирпича, сквеля, печной сажи, смесью и любовных яблочек.

Мы собирали также есесрдечия — графеля клячи конюшны. Затем туго-натяну перегаживали суровой ниткой столби, начиненные графитом, и карандаши были готовы.

Елизавета Павловна была настоящей героиней. Сколько скромного мужества надо было иметь и как бескорытно любить детей, чтобы работать в таких условиях! Для каждого

школьника она находила особое слово, будила ребячью любознательность, воспитывала любовь к науке и труду. Мне, мордовскому мальчику, трудно пришлось в школе среди русских сверстников. Моя речь, смешанная из русских и мордовских слов, вызвала у ребят громкий смех. Елизавета Павловна сумела объединить нас в единый коллектив и сделать друзьями.

А сейчас... Я много думал о причинах своих неудач. Можно ли сравнивать школу тех лет с современной? Нет! Но почему же у меня ничего не получается толком? Тогда я и нашел ответа на эти мучительные вопросы. И только впоследствии в юности, что педагогиката начала тридцатых годов не давала студентам прочных знаний. Прелестная аженука — педагогика — основательно нас покачала. Придя в школу, молодые педагоги беспомощно терлись и робели как малыши.

Я понял, что надо немедленно снова браться за дело. Начал жалко читать педагогическую литературу. Книг было, к сожалению, очень мало, и я часто думал, почему не вышла до сих пор библиотека педагога. Сотни тысяч молодых учителей давно с нетерпением ждуть такой библиотеки. Подумать только, сколько людей и времени они тратят, чтобы получить тайны педагогического процесса! Они незвольно превращаются в педагогических Колумбов и должны вновь открывать давно открытые Америки.

...Мгла постепенно начала рассеиваться. Я начал овладевать важнейшим средством педагогикой — к о м п о з и ц и я й урока. Вначале приходилось на часах и подготовку к уроку тратить уйму времени. Теперь я ясно видел предострой урок: где надо будет его активизировать, где сделать паузу, где нужно «форсировать», где «замедляться». Я знал, в каких местах дети весело рассмеются, где притянут дышанье.

И мои прогнозы оправдывались. В эти счастливые минуты забывались все трудности и неудачи.

Ожидали долгие образы Пушкина, Белинского, Лермонтова. Волнуясь сам не меньше детей, я с увлечением рассказывал об этих гениях. В классе тишина. Нет прежней суеты, нет убийственного равнодушия. Для оканчания урока использованы пафетры, альбомы, плакаты, и я отдаюся в учительской, твердо увереный, что этот урок дети запомнят надолго.

С каждым днем я все больше увлекаюсь своей профессией. Советно вспомнить оканчание первых дней! Тогда я был в классе со страхом, а теперь иду как на праздник.

Как радостно сознавать, что беседы о литературе, о прошлом и настоящем нашей родины я расширяю кругозор моих учеников! Они мужают, воспитывая в себе человеческое благородство, воспитывая в себе ответственность, самоотверженность, любовь к родине, преданность великому делу Ленина — Сталина.

Я начал придирчиво следить за собой, изучил свою внешность, жесты, интонацию и прислушиваться к своему произношению. Я обнаружил, что у меня пропала, мимолетно, недостаточная старость быть ровным, мягким, но требовательным в общении. На уроке выказывался прихотливо, акцентно одетый, чисто выбранный...

Изменилось и поведение учеников, точно все мы ушли отсюда, жесты, интонация изменились. При моем появлении ребята застывают, вертятся рубашке, приглаживают волосы. Перед уроком тщательно убирают класс, а доска даже излучает сияние: так она чиста.

Мир ребят стал мне близким, родным. Я уже во выражении ребячьих глаз безошибочно читаю их мысли; растет ко мне теплая детская привязанность.

Во весь рост встала передо мной главная проблема: как увязать педагогику с коммунистическим воспитанием? Вредительство в народном просвещении было именно в эту уязвимую точку. Брать старались, всеми силами стараясь просвещение от воспитания. Но каждому грамотному советскому человеку известно, что нет настоящей педагогики без воспитания, как нет подлинного воспитания без педагогики.

Затем возникли другие вопросы того же порядка: как бороться с озорством, как сдружить мальчиков и девочек, как интересно построить пионерскую работу и ликвидировать второстепенность.

В первые же дни работы я обнаружил, что ребята до странности равнодушны к книге и почти ничего не читают. Стал собирать ребят после уроков и читать им вслух Пушкина, Некрасова, Горького, выбирая отрывки с наиболее захватывающим сюжетом. Потом обвинялись обвинения о прочитанном. Тут же раздавались интересные книги для домашнего чтения. С течением времени я незаметно усложнял работу: устранил нечто вроде диспуты, поручал ученикам делать небольшие рефераты.

Сахалинская весна медленно освобождает землю от снежного плена. Идет май. Солнечная сторона сопки уже суха. Цветет яга. Воздух свеж и приятно влажен. А в распадках глубоко в тайге и на вершинах гор еще сверкает снег...

Мой класс перед испытаниями стал еще сплоченней. Ребята помогают друг другу, регулярно посещают консультации, отгадывают вместе. И только один Виктор Петров недоволен: мало занимается, грубит учителям, срывает уроки, хулиганит на пионерских сборах. Ничто не волнует на Петрова: ни замечания, ни поощрения. Петров смеется. Что ему упрощает? Из школы не исключают, отметки по дисциплине не снижают: она и так плохая.

Всю зиму я изумительно искал крагадики Петрова. Чем изъять его, как найти путь к его сердцу, как добиться его доверия? Я заметил, что Петров с волевым характером и историчностью, преданности перед героическим. Из истории и литературы он с жадностью слушает только трагическое: сражения, повзвиг, героические смерти. В школу он приходит вооруженный с ног до головы самодельными пистолетом, ружьем, рогаткой и мечом. Бесерма он отбирает дюжину—другую школьников побойчее, уходит с ними в сопки и открывает там настоящие битвы. Сам он выступает то Чапеевым, то Шорсом, то морским призраком, то Сольем-разбойником. У него есть свои «скажины» и «адютанты». Иногда эти «сражения» Петрова кончатся ялоко: кое-кого приходится отправлять в больницу.

Ребята боялись Петрова и тайно завидовали ему. Преклоняясь, они старались подражать ему.

В один из веселых майских дней, среди бела дня, недалеко от нашего рудника вспыхнул пожар: загорелась тайга.

За небольшой сопкой курчал дымок. Спустился сахи-нибула почва. Дымок из какой-либо нисто не обратил внимания, разрос до чудовищных размеров. Он тушей застала все

сопки и поля волнами через вершину гор в долину, в рабочий поселок Арково...

Но вот дым добрался до поселка. Очертания зданий постепенно пропадают в дымку. Кто-то вскрикнул. Люди заметались по улицам. Солнце поблекло и почти скрылось за дымовой тучей. А дым продолжал все валить и валить. Иза хребтов сопки показались языки огня. Две рудничных электростанции надранно ревели, вселяя в людей тревогу, заставляя их браться за топоры, лопаты, кайла, метлы, ведра и бежать к горам, гнетам. Из Александровска, с рудников, из рабочих поселков и колхозов мчались машины с людьми.

Я ответственный за участок в несколько гектаров. В трудной, самоотверженной борьбе со стихией нам помогают школьники и пионеры.

Мимо меня пробскала ватага ребят во главе с Петровым.

— Петров! — кричу я изо всех сил, задыхая от дыма.

Он подбегает ко мне, внимательно рассматривает мое потное, вымазанное сажей лицо. Я вижу, как Петров впервые растерялся перед учеником и стал покорным.

— Илья Давыдич! Помочь вам?

— Да, да, Виктор, измедленно! Ты мой помощник, мы с тобой отвечаем вот за этот участок.

— Есть, Илья Давыдич!

— Давило от меня не уходил, защитил со своими хлопцами вон тот угод.

Несколько суток изумленные люди боролись с пожаром. Но ничего нет сильнее воли людей, воли коллектива — стихия была укрощена.

После пожара шахтоуправление наградило Виктора Петрова первым подарком. А Хабаровская краевая газета «Звезда пионера» написала о нем хвалебный очерк. Виктор ходил признанным героем.

С тех пор Виктор Петров стал неузнаваем: он часто заходил ко мне на квартиру, брал книги, советовал со мной, он стал учиться на «отлично». А когда я дал ему рекомендацию в комсомол, он со слезами на глазах сказал: — Спасибо! Я этого никогда не забуду! — и выбежал из комнаты.

Вскоре Петрова тайным голосованием избрали комсоргом школы. Какие организаторские таланты открылись в этом энергичном юноше!

В летние каникулы Петров настойчиво занимается в аэродроме. Его заветная мечта — стать военным летчиком.

Учительский труд не так уж прост и простячен, как об этом часто сулят. Это благородный труд, требующий энциклопедических знаний; он пропитан светлой поэзией, он долговечен.

...Продуй годы. Девочки и мальчики, сияющие на школьной скамье, выйдут на широкую дорогу жизни. И может быть, записывая лекцию знаменитого ученого в университете или читая какую-нибудь книгу, они вдруг остановятся на минуту и спросит себя: «где это я слышал? А-а, Сахалин, школа в Аркове!» Уроки по литературе!.. Наш Илья Давыдич!

И если благородно и расторопно умлыбитесь мне через пелену лет.

Фото И. Гушина.

Кончатся экзамены. Учитель и ученики расстаются на целое лето. Директор 147-й школы Советского района Москвы комсомолец тов. Мельников (второй слева) и преподаватель математики тов. Шершбин (второй справа) беседуют с отличниками.

КОТ НА ЛИНКОРЕ

Жил на линкоре рыжий кот,
Заносчивый, как дьявол.
Он службу знал на полный ход,
Не зря он с нами плавал.

Зряки поканивая вбок,
Кот шестовала повсюду,
И уверял команду коз,
Что весит кот поплаву.

Когда тревоги свист зывавал,
И резко били гонги,
Нам кот стремительно бежал
К знакомому палубнику!

Бежал во весь кошачий шаг
По палубе-дорожке,
Как будто кот расписан был
По боевой тревоге.

Штурмана пробивала бушлат —
Весьма студил апрель, бал, —
И увидел со света Кронштадт,
Мы в море шли на стрельбу.

Шот² на волне скакал, как мяч,
Но зря³ надежно выбрал,
И вот работают, гремя,
Тяжелые калибры.

Нам кот нетерпеливо шел
Под рев и гул громовый
И (к солнцу ближе) влез на
Двенадцатидюймовый ствол.

Кот не учел волны напор,
Удар могучих газов,
Когда работают сна борт
Двенадцать пушек сразу.

¹ Палубник — место на корабле, где выдвигают орудийные башни.

² Шот — машина для практических морских стрельб.

³ Зря (совершенно) — величина изменения (расстояния) — величина, точность вычисления которой влияет на меткость артиллерийской стрельбы.

«Стрельбе отбой, стрельбе отбой!» —
Вещает гори пелуче.
И слышим мы, что за кормой
Как будто кот мяучит.

Тогда сказал Еремин, кок:
«Не дам побойнуть другу!» —
И с помощью шкерт⁴ а влезет
Оружью зверику.

И влез, сказал ему: «Ну, вот,
Веди себя прилично». —
И за ухо оттянул кот
На баке⁵ был публично.

Эсминны убастрели хол...
Косись на воду мумро,
Сидел на баке рыжий кот,
Вылизывая шкуру.

⁴ Шкерт — тонкий трос.
⁵ Бак — лосовая часть верхней палубы корабля.

«Время, стой, остановись! Может быть, наши еще сумеют отыграться!»

СЦЕНА И ЖИЗНЬ

Юмореска

Коля Ванюшкин в последнее время почему-то стал избегать встреч с Лизой Скворовой. Если же и встречались они, то жингеродостный и веселый Коля как-то тушевался и не мог толком сказать девушке двух слов. У творилась палуда-запутанность. Он мямлил, называл себя растопкой, трусом, но все это настолько не помогало.

Только на занятиях драмкружка Коля становился прежним Колей. Шли последние репетиции пьесы, в которой Ванюшкин играл роль красавицеи Володиной.

Все шло хорошо. Сергей Анисимов, свой, доморощенный художник, изготовил для спектакля дома, деревья, пограничные столбы, и режиссер поспешил сообщить представителю завкома, что в следующий выходной «наша труппа покажет зрителям блестящую постановку».

Но тут произошли непредвиденные события.

Началось с того, что заболела Лиза Земляна, которая должна была играть роль дочки Катю — любимой девушки красавицеи Володиной. После быстрого обезумения кандидатка решила Нишу заменить Лизой Скворовой. Правда, Лиза играла хуже Нишу, но зато обладала замечательной па-

мятью и могла быстро выучить роль. А это сейчас решало все.

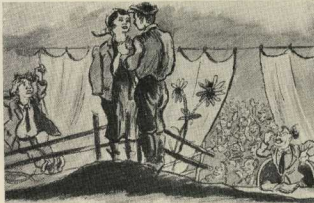
Лиза оправдала надежды. Она была вполне в роль, но тут режиссер почувствовал приближение новых неприятностей. С Колей творилась что-то странное. Коля он неуверенно, тоном по расклеванному уголку, а не по слену. Часто сбивался.

«Неужели заболел? — подумал режиссер. — Вот номер будет, если он подлетит!»

Наступил день спектакля. К третьему звонку зрительный зал был переполнен. Волновались все — и актеры и публики.

Наконец, Миша Рейзен залез в суфлерскую будку — и спектакль начался.

Перед зрителями ожила деревенская околица. Из-за фанеры, изображавшей дом, выходит группа парней и девушек. В центре группы Коля Ванюшкин (он же Володина) с котомой за плечами под руку с Лизой (дочкой Катю). Слышатся Митюшкин, в красной рубашке, играет на гармошке «Странная», остальные поют. Это друзья прощаются Володина в Красную Армию. Наконец, друзья ухо-

— Любишь ли ты меня? — спрашивает девушка.

ОН, ОНА И «ИСКУССТВО»

Рис. В. Баркова

дят, и Володина с Катей остаются одни. Они долго безмолвно смотрят друг другу в глаза. Затем она кладет ему голову на грудь... Его рука растерянно и ласково гладит ее волосы.

— Я, со своей стороны, обещаю тебе, Катя, защищать тебя гравинами, — громко, уже третий раз шепчет суфлер.

Но Николай молчит, он ничего не слышит.

За сценой бегает обаятельный режиссер. К его мокрому лбу прилипла растрепанная голова, галстуки сзади набок. Он слышит голос суфлера, раздающийся в полной тишине огромного зала.

— Я обещаю... — почти кричит суфлер, — со своей стороны!

А Николай тесно обнимает Лизу и говорит совсем не то.

— Любишь ли меня? — шепчет он девушке.

— Все пропало! — кричит режиссер. — Провалили!... С первого же действия провалили!

Он бежит к шпуре занавеса. И в то время как две простыни приподнимаются в движении, губы будущего красавицы Володина обжигаются о горячие губы доярки Кати.

Из суфлерской будки вылезает исповеданный Мишка Рейзен. На сцену идет растрепанный режиссер, готовый растерзать озорнившего его актер, и внезапно останавливается... В зрительном зале поднимается шумок ошавки. Публика требует на сцену актеров:

— Ванюшкина!

— Ли-зу!

— Ко-ольку!

— Скворцова!

— Би-ис! — восторженно кричит зал.

Спектакль прошел с большим успехом. Остальные действия шли точно по тексту пьесы. Публика была удовлетворена игрой актеров. Но особенно хорошо, по мнению многих, играли Ванюшкин и Лида Скворцова.

После спектакля Коля провожал Лизу.

Они шли, тесно прижавшись друг к другу, счастливые, как никогда в жизни.

Разговор, начатый на сцене, продолжался...

Мих. МИХАЙЛОВ

— Внимание! Снимаю, — сказал фотограф-ловкач. И вскоре какой-то журнал напечатал самодовольную пару улыбающихся идютов под заголовком «Молодость».

— Внимание! Накручиваю, — крикнул бродячий киноприспособленец. И вскоре самодовольная пара улыбалась уже с экрана в короткометражном фильме «Любовь».

— Внимание! Рисуем, — тараторил хором художник-лякворонщик. И улыбающиеся идюты очутились на выставке картин под названием «Учасься».

Печатали в журнале три первых рисунка, мы решили опубликовать и четвертый, для того чтобы показать читателю, как же выглядят оригиналы в действительности. И он и она, конечно, молды, но их молодость, любовь и счастье же имеют ничего общего с тем, как его выглядят почтенные клонированные и приспособленные.

ОТЦЫ И ДЕТИ

Рис. Б. Владимиров

— Смотри, какой нежный папаша!

— Мама!

ДЕРЕВЯННЫЙ ЯЗЫК

Некоторые заводские сторожильи еще помнят то время, когда Паша Сухариков работал заливщиком у варянок. Веселый, словоохотливый паренек считался заводской смешных историй, любил шутки. Свою живую, образную речь он и дело пересылал прибауткам, народными присказками, пословицами, меткими словечками.

Бескор после того как Павла избрали комсоргом чугунолитейного цеха, окружающие заметили тревожные признаки.

Уже на первом занятии комсомольской политшколы ребята услышали от комсорга чопорную фразу о лицах, которым надлежит слить глотание убора.

Замечанная прогубка на лодках была ядром окрещена Сухариковым на канцелярский манер. В объявлении, которое комсорг вывесил у входа в цеховую столовую, значилось:

«Организовано проведение массовое лодочное мероприятие. Сбор лиц, желающих культурно провести свой досуг, на пристани в 11 часов утра.»

Так и представляется после этого объявления, что в кажущую лодку будут погружены небольшая переносная трибуна и графин с водой для дождливая. Председательский колокольчик будет звенеть над водой гладыя, а высказываться полух о языке будет разрешено только в перенях, в порядке живой очереди...

Как быстро потухел словарь Павла Сухарикова! На все речи комсорга легла печать какой-то канцелярщины. Как будто Сухариков провел свое отрочество и юность не в школе ФЗУ, не в цехе, не в дружном жизне-радостном коллективе молодых рабочих, так ценящих местное слово, остроумную речь, а в каком-то унылом департаменте, где все привыкли разговаривать на языке парграфов.

И вот уже почему-то такое теплые человеческое слово, как «прогубка», незаслуженно переименовано Сухариковым в «эсперантизм». Однажды секретарь заводского партбюро понтересовался, бывает ли Сухариков в театре.

— Ну, конечно, бываю, — поспешил заверить секретаря наш знакомец. — Только на днях лично смотрел пьесу «Мать».

«Лично» был на спектакле! Как будто посещение театра можно кому-то передать. Как-то несколько пеховых ребят постречали Пашу Сухарикова в рабочем поселке. Активист спешил в заводскую библиотеку, в руках у него был томик Пушкина.

— Мобилизующая книжка! — восхищено заявил Сухариков. — Я теперь все три Пушкина по первостепенному изучаю. Уже три тома прочел!

Нет сомнений, что Паша Сухариков был действительно покороп обаянием пушкинского гения. Но зачем выразить свое восхищение с помощью стандартных слов?

Нашего зрителя нельзя назвать «человеком в футляре». Он не лишит любознательности и чуткости, он предприимчив и деятель. Но Павел Сухариков почему-то решил, что комсомольский активист, выступая на собраниях и заседаниях, беседах с молодежью, должен излагать свои мысли на особом, секретарском жаргоне.

Нам довелось услышать выступление Павла Сухарикова, ставшего уже секретарем райкома, на общезаводском собрании актива комсомола. В регламент он по обыкновению не уложился. Впрочем, Сухариков всегда был в самых натянутых отношениях с регламентом.

Сухариков говорил о важных и нужных вещах. Но вся его речь была путной, сбивчивой и какой-то растрапанной. Мешали бесконечные повторения. Сказывались неумные выкладки в речи глаголом, описывая Павло-весные, канцелярские обороты, бюрократические словообразования засорили речь Сухарикова. То и дело слышалось:

— ...Имеется соображение крепко предпринять, в смысле рашительного характера, соприкасая на сегодняшний день... лично вникнуться и целиком сесть на этот участок... в части перестройки... в ответ на какое-то решение следует резко записать...

С каждой минуткой между аудиторией и оратором нарастало отчуждение. Кто-то откровенно зевнул. Послышался стук откинутых кресельных сидений. Было совершенно очевидно, что речь Сухарикова оставила равнодушным большинство слушателей. Сам того не подозревая, комсомольский работник угодливо шедриком помладше, как пустословие было типичным поведением для слушателя. Вспоминаются строчки из «Помпадуров и помпадуров» Шедрина:

«...слушатель с течением времени мало-помалу выдал как бы в магнетической сон и начал ощущать приливы рассаблания, сопровождаемого одновременным погружением всех умственных способностей. Мысль его, или то куда-то льзает, что его что-то выдумает, что вперед у него молыкает свет не свет, а какое-то табуное приствето, которое потому именно и хорошо, что оно тай-

ное, и что его следует прямо вкушать, а не анализировать...»

Сухариков не столько произнес, сколько отубила свою речь. Важнейшую заключительную часть своего выступления он проговорил горлопаше-чтением слова, подставившим председателскому колокольчиком.

Если бы оратор, перед тем как подняться на трибуну, основательно продумал план своего выступления, составил конспект, он избежал бы этих повторений, сказал бы свою речь более стройной, логичной. Но Сухариков не любил излагать свои мысли на бумаге (не потому ли он переубегает конспектом). Начесть что-нибудь — для него тяжелое наказание. Как-то он два часа безуспешно потел над заметкой в стеновую газету и с тех пор уже заметок не пишет и даже до стеновой газеты идет беском.

Мы встретили Сухарикова в тот же вечер, во время перерыва, в прокуренном кабинете президиума:

— Вам, очевидно, довольно часто приходится выступать с докладными и речами?

— Да, частенько.

— А почему бы вам не поучиться ораторскому искусству? — осмелился ли спросить секретарь.

Вероятно, трудно было бы придумать другой вопрос, который так бы ошарашил Сухарикова. Но мы сделали вид, что не заметили крайнего удивления собеседника:

— Выступать приходится часто, а говорить вы испорту плохо. Разве нельзя было бы при желании стать хорошим оратором?

На лице Павла Сухарикова была написана нескрываемая обида. В безхитром вопросе он увидел какой-то подвох и желание его обидеть.

— Я совсем недавно на руководящей работе, — променял оскорбленный секретарь, — а уже и так всячески обязывают: то бюрократом, то оратором.

С некоторых пор кое-какие активисты стали сказать «чу!» или об оскорбительном слове слово «оратор». Почему ораторское искусство отождествляется с пустозонством, уменьем перенести из пустого в порожнее?

Быть хорошим оратором в большинстве случаев понимании этого слова — значит быть умелым игроком чужд ли на оскорбительном слове слово «оратор». Почему ораторское искусство отождествляется с пустозонством, уменьем перенести из пустого в порожнее?

Вспомина о выступлении Ленина на Лондонском партбюро 'седе, Горький писал: «Перый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот (Ленин.— Е. В.) не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, умительно легко обаяе его точный смысл.»

Товарищ Сталин в своих воспоминаниях о Ленине говорит: «Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, все это вышло, но отличало речь Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.»

Этой же лаконичности, точности, яркости речи следует учиться у товарища Сталина. Кто из слушателей не оставит способным прекрасная простота сталинской речи, ее народности, ее предельная кристальная ясность, замечательная образность и обязательное остроумие?

Ленин боролся за чистоту языка. Он издевался над «язычным пустозонием, над «деревянним языком заскорузлого русского стращичего».

Этот «деревянный язык заскорузлого русского стращичего» обнаруживает живучесть еще и в наши дни. Канцелярская выжидательность засоряет письменную и устную речь многих комсомольских активистов.

Молодой советский интеллигент должен учиться говорить просто, ясно и увлекательно, перед каждой бы аудиторией он ни выступал.

Рис. И. Лиса

Извержение словесного яруса.

Новые работы московских художников

Среди больших художественных выставок этого года как-то скромно открылась выставка живописи и графики в залах нового Центрального дома работников искусств. Между тем на этой выставке немало интересных работ.

Остановимся на картинах трех разных по своему творческому методу художников.

Заслуженный деятель искусств орденоскинец А. М. Герасимов изложил, в числе других работ портрет балерины-комсомолки О. Лепешинской. Это полотно, несомненно, центральное на выставке, — большой успех мастера.

Колористическая чистота и тонкость этого портрета, заложенные в красоту форм, простота и смелость манеры придают ему особую убедительность. Несколько извращенный и грубоватый рисунок ног — единственное слабое место этого произведения.

К. Дорохов

Девушка (этюд).

Молодой художник К. Дорохов написал портрет девушки на веранде. Автор нашлепал свою небольшую работу солнцем и светом. К. Дорохов удачно решил в этом портрете одну из наиболее сложных задач живописца — передачу отраженного света — рефлексов. Девушка как бы хуляется в лучах, отражаемых от пола веранды.

Художника Г. Нисского советский зритель знает как автора лирических морских пейзажей. Липнику он находит в быстром беге глассеров, рассекающих гладкую поверхность воды, в плавном движении яхт...

На выставке Нисский представил серию небольших работ, среди которых с подлинным мастерством выполнен пейзаж «Порта». Художник нашел тонкое живописное решение сложного пейзажа, насыщенное отточенными формами индустриальных сооружений, резкими и прямыми линиями набережной, парохода, здания.

В изображении современного пейзажа Нисский вкладывает чувства нового человека, любящего не только тихие уголки природы, а увлеченного смелостью человеческого творчества, покоряющего пространство в стихию

В. К.

Г. Нисский

Порт.

А. Герасимов

Портрет балерины-комсомолки Лепешинской.

Гроссмейстер КОТОВ

Двадцатипятилетний Александр Котов, комсомолец, аспирант Московского краснознаменного механико-машиностроительного института имени Баумана, принимает поздравления. Великий успех принесло ему участие в одиннадцатом всесоюзном шахматном чемпионате, успех, нужно сказать, неожиданный для очень многих соперников его, а может быть, и для него самого. Александр Котов получил почетное звание гроссмейстера.

Державное устремление вперед, радостная уверенность в своих силах, открытый, широкий путь к новым достижениям — как все это характерно для молодого человека сталинской эпохи, безотказно к тому, сидит ли он у руля самолета, за рулем, у станка или же за шахматным столиком.

Но не нужно думать, что Котовavorизма счастья бабушка или что «счастливая фея стояла в детстве у его колыбели», как горорится в старинных хороших сказках. Наши хорошие современные люди рассказывают несколько иначе, мораль этих белей кажется нехитрой, но она очень реальна и умна. Счастливы те, кто имеет на это право, а право завоевывается честным трудом. И если Котов счастлив сейчас, то счастлив он по праву.

Шахматный путь Котова не начался с «вундеркиндства».

В трех областях человеческой культуры: в математике, музыке и шахматах — «вундеркиндство» — довольно частое явление.

Это не случайно: между этими тремя видами человеческого творчества есть внутреннее принципиальное родство. Ни один из них — по крайней мере для первого своего этапа — не требует глубокого всестороннего знания жизни. Но тут есть и своя обонная сторона: «вундеркиндство» таит в себе особые опасности. История культуры показала, что лишь тот «вундеркинд» становится соответствующим Паскалем, Моцартом или Капабланкой, кто умеет стать сильнее своего природного таланта, кто умеет проверить его и обновить жизненным опытом.

Но это в сказках. Вернемся к Котову.

Итак, «вундеркинда» не было. Был не фееричный, не очень быстрый, но упорный, неуклонный рост. Но несколько лет. Пятинадцатилетним мальчиком — в 1928 году — он получает вто-

рую категорию: хорошее, но не исключительное достижение. И проходит целых шесть лет до того момента, когда в 1934 году он получает первую категорию.

Заветная первая категория! Как много тех, для кого это звание — предел совершенства, венец достижений! Каждый, даже грегекатегорик, если он молод и оптимистичен, мечтает о маньяше первой; но первокатегорнику уже не до иллюзий: он должен точно знать свои возможности. И как часто — уми! — тот случай, когда он знает, что достиг своего «потолка», что не одолеть, не перейти ему ту незаметную полосу, но очень существенную грань, что отделяет первокатегорника от мастера! Ибо не подлежит сомнению, что при правильно поставленной учебе, при волевой выдержке каждый способный шахматист может научиться играть в силу первой категории, но чтоб стать мастером, — для этого требуется еще одно пустовское условие — талант... Потому и летче трюфелекаторнику добиться первой, чем первокатегорнику вырасти в мастера.

Первокатегорник Котов участвует в 1935, 1936, 1937 годах в чемпионатах в Москве, сильных, трудных, ответственных состязаниях. Опыт нивкиных особод достижений, но характерный в своей неуловимой последовательности рост: он занимает сначала воска-

мое, затем седьмое я, наконец, пятое место. Но дело не только в спортивных результатах. За Котовым упрочивается репутация «крепкого первокатегорника». Крепкого... Каждый квалифицированный шахматист знает, что скрывается за этим условным термином. Крепкий игрок — это шахматист, сумевший избавиться от самой страшной для всякого борца (а шахматы — это борьба, да еще какая!) опасности — от опасности безволия, «востроенности». Но достаточно взглянуть на Котова, на крепко сложенного его фигуру, — достаточно встретиться с его умом, несколько неясно-стильным взглядом, чтоб со всею ясностью увидеть: эта опасность ему никогда и не угрожала.

А какой шахматный стиль Котова в эти годы?

Очень сложен и труден этот вопрос о шахматных стилях. Традиционное противопоставление «комбинаторного» и «позиционного» стилей очень условно. Условно хотя бы потому, что каждый подлинно большой шахматист стремится создать и создать свой собственный стиль, в котором элементы «комбинаторного» и «позиционного» стилей приобретают в своем сочетании особые качества и звучат по-новому. Правда, лучше говорить об отношении шахматиста к своему искусству, о субъективной его направленности. И вот, рассуждая в этом плане, разве не наглядна, например, разница между Алексием и Нимцовичем? Стремление к победе любой ценой — у первого; наслаждение процессом творческих исканий — у второго; каждая партия — цель в себе, говорит один; каждая партия — элемент неизвестного целого, неизданный опыт, думает другой.

Своего стиля у Котова в эти годы еще нет. Но то, что в его творческом облике доминирует понимание шахмат как борьбы, — это уже ясно.

И в результате великопелой борьбы на киевском полуфинале в 1938 году он делит третье — пятое место, получает звание мастера и право участия во всесоюзном первенстве. Совершенно очевидно: рост Котова непрерывен. Но еще характернее другое: путь от второй категории к первой длится шесть лет, а от первой к званию мастера — четыре года. Случайность? Нет, не случайность. Не случайность в свете того многозначительного факта, что путь от мастера к гроссмейстеру занимает уже лишь год с небольшим, что на труднейшем всесоюзном чемпионате — нужно ли говорить, насколько это состязание труднее киевского! — Котов завоевывает — и блестящим образом! — четное второе место, сумев победить в девяти встречах из семнадцати,

сумев одолеть таких непревзойденных игроков мастеров, как Макогонов, Кап, Лисицын, Юдович... Нет, не случайность, а стиль человека, характер его, который складывается в том, что, чем трудней этап, тем быстрее и уверенней он его одолевает, чем больше успех, тем ясней сознание, — это лишь ступень для дальнейшего..

Котов занял второе место в чемпионате, собравшем цвет шахматной мысли и практики, превращающем по значению своему многие международные турниры.

До последнего тура он был кандидатом на первое место: встречена с Ботвинником решила исход борьбы. Ботвинник в этой встрече «разнес его, и по ходу их партии видно, что Ботвинник, играя, «разозлился». Это хорошо. Ботвиннику полезно «злиться», он иногда слишком спокоен, чересур миролюбив, имея на это право при своем громадном шахматном таланте. Ну, что ж, Котов прекрасен понимает, что ему есть чему учиться у Ботвинника. Если Ботвинник говорит о нем, что «за сложной позиционной борьбой он пока слабее чем в тактических осложнениях», Котов весьма охотно прислушивается к этим словам.

И точно так же Котов — и мы вместе с ним — понимает, что неудачно — при своих данных — сыграли в этом турнире «старик»: Левенфиш, Рабинович, Романовский, — что оказалась во власти «востроенности» такой мастер, как Рагозин. Другими словами, если несомненно, что Ботвинник — сильнейший шахматист Союза, то Котову еще предстоит защищать свое второе место... Вот ведь растет и усиливается с году на год тайфунный Бельзевек, все чаще ярские взлеты у пламенного Чехова. Да он ли только? Совершеннолетнему Болдаревскому надлежит сказать в свое время Котову: «Постройтесь-ка, Саша, пропустите вперед!» — и юный Вася Симанов. А там, поодаль, — но в каждый момент они могут догнать, опутить радом — молдые, но многообещающие Болеславский, Ельцов, Ваксберг, Столберг.

Прежрано все это знает Котов, и у Бельзека, он этим только доволен. В этом неуловимом движении, в прекрасном мире молодости, на который все приглашено, в непрестанном честном соревновании под лозунгом «сбейте тот, кто засуджил», в вечном стремлении вперед, в отрицании способности и почивания на лаврах — в этой характерной мужественная черта нашей жизни, нашей эпохи, основной ее стиль.

И стиль этот главенствует повсюду в нашей стране, и, как и всюду, он главенствует так же и на шестидесяти четырех клетках советской шахматной доски.

ШАХМАТЫ

Под редакцией Л. Гугеля

Композиции наших читателей

Задача № 114
А. Лутовской (Харьков)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 115
А. Багана (Баку)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

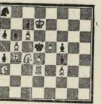
Из старых композиций

Задача № 116
Лоседей — 1845 г.

Белые, начиная, дают мат в 4 хода.

Задача № 117
Л. И. Кувель — 1908 г.

Белые, начиная, дают мат в 3 хода.

Этюд № 21
А. Тронский — 1898 г.

Белые, начиная, выигрывают.

Почти сто лет назад из Индии в Европу была прислана удивительная задача. Среди шахматистов, принимавших и задачку с форсированным решением, с эффектным жертвами, она произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Эта задача (см. № 116) репассала тикки, своеобразным стратегическим маневром: 1. Сh5—c1! b5—b4, 2. Kр1—h1 (первые два хода белых допускают перестановку) b6—b5, 3. Jd1—d2! Kр4—f4, 4. Jd2—d4×. Маневр, заключающийся из первого и третьего хода белых, получил название «индийской темы».

Эта задача (последствия исследования определили, что автором ее был английский капитан Лоседей из Дольфи) начала новую историю в композиции, когда на первый план выступили глубокие стратегические идеи. «Индийскую тему» более шестидесяти лет широко разрабатывали немские проблемисты. Но далеко вперед она не ушла. Первая задача, в которой «индийская тема» происходит в двух вариантах, была составлена в России (см. № 117). «Индийская тема» пользуется вниманием составителей до настоящего времени.

Защита Нимцовича

Белые — В. Алаторчев
Черные — В. Смыслов
Игра в тренировочном турнире мастеров (Ленинград, 1939 г.)

1. d2—d4 Kг8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kb1—c3 Cf8—b4
4. e2—e3

Старинное продолжение гротескмейстера Рубинштейна, которое после недавнего Амстердамского турнира часто применяется мастерами.

1. O—O e6—e5
5. Cf1—d3 d7—d6
6. Kg1—e2 Cb1—c3

В этом ходе, предупреждающем сдачу белых пешек, смысл системы Рубинштейна.

Необходимый размер. Иначе белые угрожают увести коня e3 и выиграть слона b4 путем a2—a3 и b2—b4.

8. Ke2—c3 Kb8—c6
9. d4—d5 Kc6—b8
10. e3—e4 d7—d7
11. Ce1—c3 Kd7—c5
12. Cd3—e2 a7—a5

План игры черных заключается в том, чтобы затруднить в максимальной степени атаку белых на ферзевом фланге и подготовить

контроль в центре f7—f5. Этот удар раскрывает перспективу для наступления на белого короля.

С этой целью они сделанным ходом препятствуют выводу белых 13. b2—b4. Фd8—e7 Kf5—e8 15. b2—b4 a5—b4 16. a3—b4 Jа8—a1 17. Фd1—a1 Kc5—a5 18. Фa1—z3 e7—e6

Очень важный ход, имеющий целью после f7—f5, e4: f5 снять на f5 пешкой и не отдавать в распоряжение белых центральное поле e4.

20. e4—c5 f7—f5 20. e4: f5? g6: f5
Ошибка, дающая черным возможность организовать сильную атаку на короля. Лучшим продолжением было бы 20. f3, удерживая пункт e4 и препятствуя открытию линий на королевской фланге.

21. g6: f5 21. f2—f3

Черные угрожали посредством f5—f4 разбить позицию белого пешки, прикрывающих короля. 21. Jf8—f7 22. Cc2—d3 Jf7—g7 23. Cd3: a6

Белым уже очень трудно защитить свой королевский фланг и избежать при этом материальных потерь. Например: 23. Kрh1 Фh4 (нападение на пешку b4); 24. C a5 f4 (угроза выиграть пункт 25. C: h3) 25. Cf2 Фh5 26. Kрh2. C: h3! 27. e: h Ф: h3 и выигр. или 23. Kрh2 Фh4 25. Cf2 Ф: h4, выиграв пешку и оставшись с значительно лучшей позицией.

23. f5—f4

Черные превосходят ведут атаку. От угрозы 24. C: h3 нельзя защититься, ибо на 24. Kрh1 следует 24. Фh4 25. Cf2 Фh5, а после 24. Kрh2 Фg5 25. Фa2 Фg3 26. Kрh1 C: h3; черные быстро выигрывают.

24. Cc3—c1 Cc8: h3 25. Jf1—f2 b7: a6 26. Kc3—e4 Kf8—g6 27. Kрg1—f1 Cb3—f5 28. Фa2—h3 Фe7—h4!

Продолжая атаку и не попадая в позиционную ловушку. Слабее 28. C: e4 29. f: e d: e ввиду 30.

Фc4! с угрозы 31. d6+ 29. Фa6—a4 Kрg8—f8 30. Фa4—d1 Cf5: e4

Последующее вторжение коня дает атаку черных неотвратимой. 31. f3: e4 Kc8—f6 32. c5: d6

Отвечая, так как средства защитить свою позицию белым не имеют. Если 32. Фc2, то 32. Фh1+ 33. Kрe2 Jf1: g2.

На 32. Фf3 следует 32. Jg3 с разгромом 32. Kf6: e2 33. Фd1—c2 Фh4—h1+ 34. Kрf1—e2 Jf6: g2+ 35. Jf2: g2 Фh1: g2+ 36. Kc3—d3 Фg2: e2+ 37. Kc3—d3 Фg2: e2+ 38. Kc3—d3 Фg2: e2+ 39. Cc1—b2 Kр7—f8 40. Kрd3—e2 Kр6—f5

Белые сдались. Вся партия проведена юным чемпионом Москвы в превосходном стиле.

Примечания гротескмейстера А. Котова.

XXIV конкурс «Смены»

В позиции, изображенной на диаграмме, ход белым. Могут ли они выиграть?

Редакция объявляет конкурс на лучший анализ позиции. Срок прислать ответ — 1 сентября 1939 года.

Новое правило

До недавнего времени в практике наших соревнований применялось такое правило: партия признается оконченной, если в случае троического окончания одного противника одних и тех же ходов.

Сейчас это правило несколько видоизменено. Оно формулируется так: партия признается оконченной вничью после троического повторения одной и той же позиции.

Решения.

«Смена» № 2, 4, 5, 6

№ 1 Задача № 101. 1. Kрb5—c5! 2 Задача № 102. 1. Фa5—a2! e7: d4—2. Kрe5: d6. 1. Kрd7 (e7) 2. Kf7+.

№ 3 Задача № 103. 1. Фe2—a1! Kрd3—e2 2. Фa8—a1!

№ 4 Задача № 104. 1. Kg3—e2 Cg1—h2 2. Фe1—h1+! 1. Cg1—f2 2. Фe1—f1+! 1.

№ 5 Задача № 105. 1. e7—e8! Jf1 Kрb5: a5 2. a7—a8! K: 1. Kрb5—c5 2. a7—a8Ф.

Этюд № 20. 1. Kf5—g3+ Cf2: g3 (лучший ход). 2. Cg6—h5+ Kрe2—f1 3. Ch5—g4! e2—g4!Ф 4. Cg4—h3+ Kрf1—e2 5. Ch3—g4+Kрe2—d3 6. Cg4—f5+ Kрd3—c5 7. Cf5—e6+ и т. д.

Задача № 106 (с черной пешкой на d3). 1. Фd1—c1 ург. 2. Фa3×; 1. J: c4—2. Kf5× 1. Ф: c4! 2. Kg4×.

Задача № 107. 1. Ca8—f3! Kрf3: 2. Kg4—h2+! 1. C×c2 Cb1+.

Задача № 108. 1. Kрb2—b1. Задача № 109. 1. h5: e6. Задача № 110. 1. Фf5—h3.

Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д. 3-34-24

Образование В. И. Уруна

Сдано в набор 10/VI 1939 г. Подписано к печати 4/VII 1939 г. Изд. № 631. Формат 72 × 110 см. Уполномоченный Главлита № А — 7740 Технический редактор Б. М. Фейгин. Тираж 1839

4 печ. л. 98 000 зн. в печ. л. Тираж 45 000.

Талпография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

